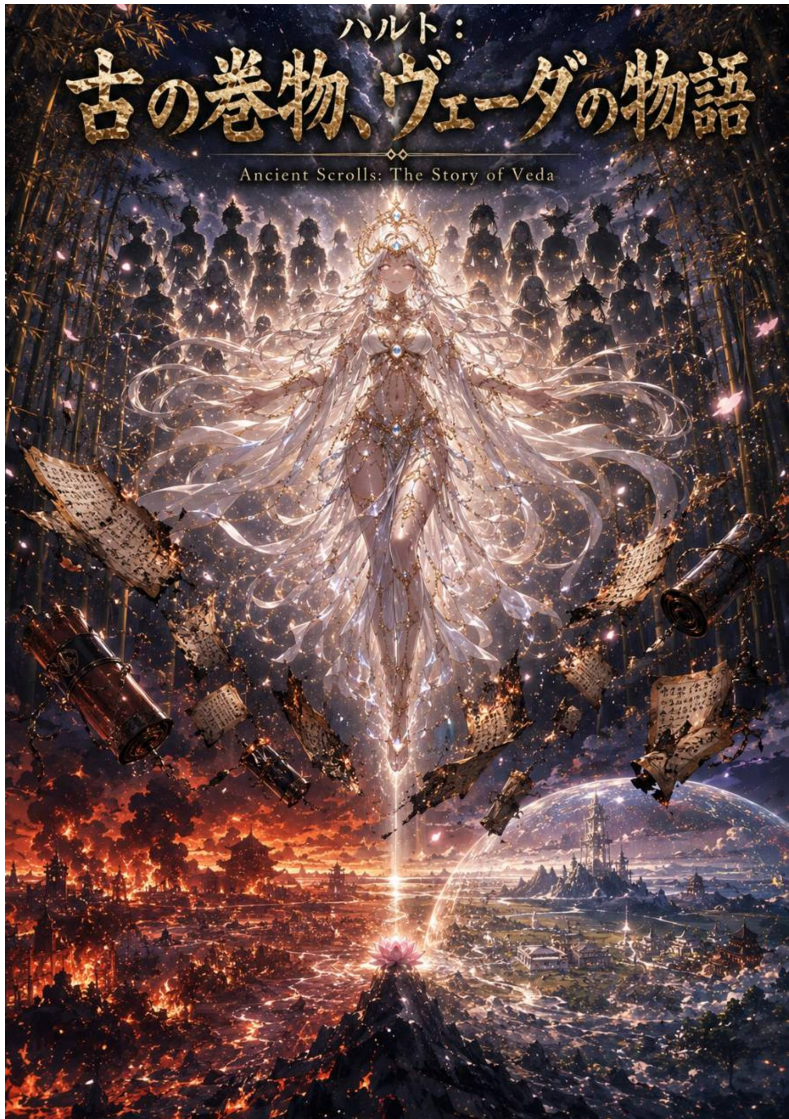

ハルト：

古の巻物、ヴェーダの物語

◆
Ancient Scrolls: The Story of Veda

Зеркальный Вихрь

Харуто. Том 1. Книга 5

<https://litres.ru/74326188>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — фундаментальное собрание древних свитков и летописей, раскрывающих происхождение мира Рикугами и законы его магии. Повествование начинается с эпохи «Мира в огне», когда человечество тонуло в бесконечных войнах. Свитки описывают явление Небесной Святой — Веды, принесшей людям магию. Но её история стала трагедией: любовь к садовнику Хикару гневала «тех, кто выше» и привела к рождению 22 детей — живых частей её души.

Книга освещает раскол между братьями-наследниками: Индрой, верившим в силу связей, и Гиндрой, выбравшим путь абсолютной мощи. Читатель узнает о безумии Веды после гибели возлюбленного и о подвиге Паралай, которая запечатала тень в своей груди и разделила мир на 15 материков.

Особое внимание уделено систематизации магии: структуре геномов, режиму «Сайкиза», контрактам с животными и неизбежной расплате. Это история о том, как человечество пыталось стать богами, но построило культуру-клетку, где за заклинания платят зрением, памятью или жизнью.

Зеркальный Вихрь

Харуто. Том 1. Книга 5

Глава 41: «До появления Веды»

Часть 1: «Мир в огне»

Источник: «Свиток Чёрного Дождя» (Рикугами — Великая Страна)

Хранится в глубинном архиве, чернила выцвели, края обуглены, пахнет горелым кедром.

«Земля дрожала. Не от шагов богов — их не было. От шагов людей. Каждый рассвет начинался не с птицы, а с крика умирающего. Реки текли густыми, красными. Не от заката. От крови. Мы забыли вкус воды. Пили жижу из болот, чтобы не сохнуть. Леса горели. Не от молний. От факелов. Кто-то сказал: "Огонь очищает". Но огонь не очищал. Он только жрал. Жрал деревья, жрал дома, жрал детей. Мы думали, что воюем за землю. Но земля была мертва. Мы воюем за право умереть первыми. Самураи точили мечи о кости друзей. Честь стала пустым звуком, когда желудок пуст уже неделю. Мы молились дереву, но дерево сторело. Мы молились тишине, но тишина кричала.»

Источник: «Трактат Разбитого Дао» (Аматэрасу — Великая Страна)

Страницы вырваны, текст прерывистый, написан кистью на рисовой бумаге, пятна туши похожи на слёзы.

«Небо молчало. Это было страшнее крика. Мы молились свету. Но свет не отвечал. Он слепил глаза, показывая трупы на полях. Жрецы говорили: "Это испытание". Какое испытание? Сколько можно испытывать гниль? Матери перестали плакать. Слёзы кончились. Остались только глаза — сухие, пустые, как колодцы без воды. Баланс пяти стихий нарушен. Огонь сжёг воду. Земля отвергла дерево. Металл ржавел от страха. Мы искали гармонию в хаосе. Но хаос не любит гармонии. Он любит голод. Мы ждали спасителя. Но спаситель не пришёл. Пришла только ночь. И новая смерть. Мы сами стали своим адом. Дао разорвано. Путь закрыт.»

Источник: «Железная Песнь Гор» (Сусаноо — Великая Страна)

Высечена на камне, буквы стёрты ветром и песком, края окровавлены.

«Ветер не пел. Он выл. В нём застряли голоса тех, кто не успел уйти. Мы строили стены. Высокие, толстые. Из костей павших. Думали: защитимся. Но стена не спасает от страха. Страх проникает сквозь камень. Он живёт в груди. Ты просыпаешься — он тут. Ты ложишься — он тут. Мы убивали соседей, потому что боялись, что они убивают нас. Порочный круг. Кровь за кровь. Но кровь не смывает кровь. Она только привлекает новую. Барабаны молчали. Раньше их ритм вёл нас в бой. Теперь ритм вёл нас в могилу. Гордость Сусаноо стала её саваном. Мы не хотели сдаваться. Но сдаваться было некому. Смерть не принимает капитуляции.»

Источник: «Хроника Танца Клинка» (Чхонгунг — Великая Страна)

Свиток запечатан воском, печать сломана, пахнет вином и железом.

«Горы молчали. Они видели всё. Видели, как братья режут братьев. Видели, как отцы предают сыновей. Мы искали причину. "Он украл зерно". "Он оскорбил честь". "Он посмотрел косо". Ложь. Всё ложь. Причина была одна — пустота. Внутри нас была дыра. И мы пытались заткнуть её мясом других людей. Но дыра становилась только больше. Мы не воевали за жизнь. Мы воевали, чтобы заглушить тишину внутри. Танец клинков стал медленным. Страсть угасла. Осталась только механика убийства. Вдох. Выдох. Удар. Кровь брызнула на платье, как краска на холст. Но художник умер. Картина осталась незавершённой.»

Источник: «Мраморный Шёпот» (Сяньню — Великая Страна)

Ткань истлела, текст почти не читается, сохранён в стекле, пахнет лавандой и гнилью.

«Тишина была громче грома. Когда мечи уставали, наступала тишина. И в этой тишине было слышно, как ломается мир. Трещина шла не по земле. По душам. Мы забыли, что такое "мы". Осталось только "я". "Я выживу". "Я убью". "Я съем". Но одиночество — это медленная смерть. Мы умирали по одному, даже когда стояли толпой. Мир был полон людей. Но людей не было. Были только оболочки. Пустые. Ис-

кусство умерло. Кто будет петь о красоте, когда вокруг пепел? Кто будет лепить статуи, когда глина смешана с прахом? Мы пытались сохранить красоту. Но красота без жизни — это уродство. Мы стали памятниками собственной гибели.»

Источник: «Дневник Цветочного Месяца» (Ханацуки — Средняя Страна)

Страницы вырваны из книги, залиты соком растений, которые теперь мертвы.

«Мы были между ними. Между великими. Они топтали нас, как траву. Когда Рикугами шло в атаку, мы горели первыми. Когда Аматаэрасу отступала, мы оставались умирать. Наши сады засохли. Цветы, которыми мы гордились, стали чёрными. Мы пытались быть нейтральными. Но нейтралитет в войне — это самоубийство. Нас резали слева. Нас резали справа. Мы молили о пощаде. Но великие не слышат шёпот травы. Они слышат только лязг стали. Наши маги пытались вырастить хлеб из крови. Но хлеб был горьким. Дети ели его и плакали. Мы не помним, когда последний раз смеялись. Смех стал запрещён. Слишком громко. Привлекает смерть.»

Источник: «Записки Туманного Поля» (Касумигахара — Средняя Страна)

Бумага сырая, буквы расплылись, будто писали под дождём.

«Туман не защищал. Он скрывал убийц. Мы жили в мгле. Не видели соседа. Не видели врага. Только силуэт. Только вспышка клинка. Мы думали, туман — это дар богов. Это

была ловушка. В тумане легко заблудиться. Легче потерять себя. Мы ходили кругами. Одни и те же поля. Одни и те же трупы. Мы не знали, где заканчивается наша страна и начинается чужая. Границы стёрлись. Осталась только зона смерти. Старейшины говорили: "Ждите ветра". Но ветер не дул. Воздух стоял. Мёртвый. Тяжёлый. Мы задыхались в собственном страхе. Туман впитал его. И стал ядовитым.»

Источник: «Скрижаль Чёрного Металла» (Куроганэ — Средняя Страна)

Выгравировано на листе железа, покрытом ржавчиной.

«Мы ковали оружие для всех. Для Рикугами. Для Сусаноо. Для тех, кто убивал наших отцов. Мы думали: если мы полезны, нас пощадят. Глупость. Когда враг подошёл к воротам, наши мечи повернулись против нас. Те, кто покупал у нас сталь, первыми разрубили наши двери. Кузницы остыли. Огонь погас. Наковальни стали холодными гробами. Мы создали оружие, которое убило нас. Ирония? Нет. Закон. Сила, которую ты продаёшь, всегда возвращается, чтобы забрать плату. Мы платили жизнями. Каждым ударом молота мы приближали свой конец. Теперь тишина в цехах громче любого лязга.»

Источник: «Свиток Красного Города» (Акадзора — Малая Страна)

Обугленная ткань, края крошатся при касании.

«Мы были маленькими. Нас не было на картах великих. Для них мы — пыль. Но пыль тоже может задушить. Мы со-

противлялись. Чем? Камнями? Палками? Наши маги пытались вызвать огонь. Но огонь был слишком слаб. Он сжигал только наши руки. Великие страны прошли через нас, как через пустое место. Они не заметили нашего сопротивления. Они не заметили наших трупов. Для них это было просто препятствие на пути. Как кочка на дороге. Мы кричали. Но наш крик потерялся в шуме их армии. Мы умерли не героями. Мы умерли незаметно. И это большее, чем смерть в бою. Быть забытым — вот настоящее проклятие.»

Источник: «Песнь Синего Ветра» (Аокадзе — Малая Страна)

Нацарапано на стене пещеры, буквы неровные.

«Ветер унёс наши имена. Мы пытались записать их. Но чернила кончились. Мы писали кровью. Но кровь высохла. Мы шептали имена детям. Но дети умирали раньше, чем успевали выучить. Кто вспомнит нас? Кто скажет: "Здесь жили люди"? Никто. Земля сравнивает наши дома. Трава вырастет на костях. И никто не узнает, что под травой — мы. Мы были малыми. Но мы любили. Любили так же сильно, как великие. Любили так же больно. Но наша любовь не стала легендой. Она стала удобрением для полей, которые кормят наших убийц. Ветер не поёт о нас. Он просто проходит сквозь.»

Источник: «Обломок Кости» (Непризнанные Земли)

Нацарапано на ребре неизвестного существа, найдено в пепелище.

«Они говорят о героях. Какие герои? Герои мертвы. Оста-

лись только мясники. Мы ели кору. Потом кожу. Потом друг друга. Не от злобы. От голода. Голод не выбирает. Он просто жрёт. Мы забыли имена. Забыли лица. Помнили только запах гари. Он въелся в одежду. В кожу. В кости. Мы стали пеплом ещё до смерти. И ждали. Чего? Не знаем. Просто ждали. Потому что ждать — это единственное, что осталось. У нас нет флагов. Нет гимнов. Нет богов. Есть только пустой желудок и холодная земля. Мы — никто. И в этом наша единственная правда.»

Источник: «Табличка Забытого Брода» (Непризнанные Земли)

Дерево, почерневшее от времени, текст почти стёрт.

«Река не текла. Она стояла. Мёртвая вода. В ней плавали тела. Мы не могли перейти брод. Мы не могли остаться на берегу. Мы застряли между. Как мухи в янтаре. Время остановилось. Для нас нет завтра. Нет вчера. Есть только сейчас. И сейчас — это боль. Мы видели, как великие страны строили мосты над нашими трупами. Они шли по нашим костям в своё будущее. Они не смотрели под ноги. Зачем смотреть на мусор? Мы — мусор истории. Но мусор тоже помнит. Мы помним каждый шаг. Каждый удар. Каждую ложь. Мы будем помнить, даже когда нас не станет. Память — это единственное оружие слабых.»

Источник: «Устный Сказ Старейшины Иори» (Деревня Кадзэно Хакуба — Рикугами)

Записано со слов умирающего старика, чернила свежие,

рука дрожит.

«Мой дед говорил: "Бог ушёл". Мой отец говорил: "Бог умер". Я говорю: "Бога не было". Мы придумали его, чтобы не бояться темноты. Но темнота пришла. И она была пустой. Мы молились дереву. Оно сгорело. Мы молились мечу. Он сломался. Мы молились друг другу. Мы предали друг друга. Что осталось? Тишина. В этой тишине рождается что-то новое. Не бог. Не демон. Что-то другое. Я чувствую это в костях. Земля готовится родить. Но роды будут кровавыми. Мы станем плацентой. Мы умрём, чтобы что-то новое могло жить. Я не боюсь смерти. Я боюсь, что наша смерть будет напрасной.»

Источник: «Запись Странника» (Без страны)

Кусок пергамента, найденный в кармане трупа, имя стёрто.

«Я шёл через пять великих стран. Через пятнадцать средних. Через тридцать малых. Везде одно и то же. Пепел. Кости. Тишина. Разница только в языке, на котором молятся перед смертью. В Рикугами шепчут. В Ааматэрасу поют. В Сусаноо кричат. В Чхонгунг проклинаят. В Сяньню плачут. Но конец один. Я видел ребёнка, который играл с черепом. Он не знал, что это череп. Для него это была игрушка. Вот что стало с миром. Смерть стала игрой. Жизнь стала ошибкой. Я иду дальше. Не знаю зачем. Может, чтобы найти место, где ещё не горит. Но я думаю, такого места нет. Огонь везде. Он внутри нас.»

Источник: «Фрагмент Зеркала» (Неизвестное происхождение)

Осколок стекла, на обратной стороне царапины.

«Я смотрел в зеркало. Оно не показало лицо. Оно показало душу. Там была дыра. Чёрная. Бездонная. Я пытался её заполнить. Водой. Едой. Любовью. Болью. Ничего не помогало. Дыра росла. Я понял: это не моя дыра. Это дыра мира. Мы все падаем в неё. Одни быстрее. Другие медленнее. Но все туда. Зеркало треснуло. Я порезал руку. Кровь капала на осколки. Кровь отражалась в крови. Бесконечность. Я понял: мы не жертвы. Мы — топливо. Кто-то жжёт нас, чтобы согреться. Но кто? Я не знаю. Я только знаю, что огонь разгорается. И скоро станет светло. Слишком светло.»

Источник: «Последнее Письмо Матери» (Любая страна)

Смятая бумага, следы слёз, кровь на углу.

«Мой сын. Если ты читаешь это, меня нет. Не ищи меня. Не мсти. Живи. Я знаю, это сложно. Мир сошёл с ума. Но в тебе есть искра. Не дай ей погаснуть. Они говорят, что надежды нет. Они лгут. Надежда — это не когда всё хорошо. Надежда — это когда всё плохо, но ты всё равно встаёшь. Я вставала. Каждый день. Ради тебя. Теперь ты вставай. Ради себя. Ради тех, кто придёт после. Мир должен измениться. Он не может оставаться таким. Кто-то должен прийти. Кто-то должен сказать "Хватит". Может, это будешь ты. Может, кто-то другой. Но это случится. Я верю. Даже здесь. Даже сейчас. Я верю.»

Источник: «Хроника Падения Звёзд» (Астрономы Ама-эрасу)

Звёздная карта, многие звёзды зачёркнуты.

«Небо менялось. Звёзды падали. Не как метеориты. Как слёзы. Мы считали это знамением. Конец эры. Начало новой. Но какой? Мы смотрели в телескопы. Видели только тьму. Тьма сгушалась над центром мира. Там, где сходятся пять земель. Там что-то зреет. Не добро. Не зло. Что-то древнее. Мы пытались предупредить лидеров. Они смеялись. Они были заняты войной. Они не смотрели на небо. Они смотрели на карты. Но карты лгут. Небо не лжёт. Звёзды знали. Они молчали. Потому что видели: люди не слушают. Теперь звёзды погасли. Осталась только одна. Тусклая. Далекая. Она ждёт. Мы тоже ждём.»

Источник: «Отчёт Разведчика» (Сусаноо)

Кожанный свиток, запачкан грязью.

«Враг не спит. Но и мы не спим. Кто враг? Не знаю. Раньше были лица. Флаги. Имена. Теперь только тени. Они приходят ночью. Забирают людей. Не убивают. Забирают. Куда? Не знаем. Возвращаются пустыми. Или не возвращаются. Лес молчит. Птицы не поют. Звери ушли. Остался только человек. И его страх. Мы ставим ловушки. Они их обходят. Мы строим стены. Они проходят сквозь. Это не армия. Это чума. Чума, которая ходит на двух ногах. Командир сказал: "Держать оборону". Но от чего держать оборону? От воздуха? От тени? Мы сходим с ума. Лучше пуля в лоб, чем эта

неизвестность.»

Источник: «Молитва Слепого Монаха» (Рикугами)

Выцарапано на стене храма, буквы глубокие.

«Я не вижу огня. Но я чувствую жар. Я не вижу крови. Но я чувствую запах. Я не вижу смерти. Но я слышу её шаги. Она близко. Она дышит мне в затылок. Я молюсь не о спасении. Я молюсь о смысле. Зачем всё это? Если бог есть, почему он молчит? Если бога нет, кому мы молимся? Мы кричим в пустоту. И пустота кричит в ответ. Её голос похож на наш. Может, мы и есть боги? Злые. Слепые. Глухие. Мы создали этот ад. Мы его населяем. Мы его кормим. Кто остановит нас? Только кто-то извне. Кто-то, кто не человек. Или кто-то, кто перестал быть человеком. Я жду его. Я готов.»

Источник: «Запись Наблюдателя» (Непризнанные Земли)

Кусок угля на камне.

«Они говорят о конце света. Но конец света — это не взрыв. Это тишина. Когда перестаёт биться сердце последнего ребёнка. Когда гаснет последний очаг. Когда забывается последнее имя. Мы близки к этому. Я вижу, как гаснут глаза. Сначала в них боль. Потом пустота. Потом ничего. Они смотрят на тебя, но не видят. Они живы, но их нет. Это страшнее смерти. Смерть — это точка. Это состояние — многоточие. Бесконечное страдание. Я пишу это, чтобы кто-то знал. Чтобы кто-то помнил. Но кто прочтёт? Ветер сотрёт эти слова. Как он стёр нас. Но я всё равно пишу. Потому что писать — значит жить. Пока я пишу, я есть.»

Хокку:

Земля дрожит в страхе,
Кровь рекой течёт в поля,
Небо молчит — ждёт.

Часть 2: «Войны без причины»

Источник: «Свиток Чёрного Дождя» (Рикугами — Великая Страна)

Хранится в глубинном архиве, чернила выцвели, края обуглены, пахнет горелым кедром.

«Мы начали войну из-за чести. Так сказали старейшины. Генерал соседней провинции не поклонился нашему флагу. Всего один раз. Всего на секунду. Но этого хватило. Десять тысяч человек умерли за поклон. Мы писали в летописях: "Защита достоинства". Но когда я стоял над телом мальчика, у которого в руках было не оружие, а деревянный меч... Где было достоинство? Мы убивали не за честь. Мы убивали, потому что нам нужно было оправдание. Честь — это удобная маска. Под ней можно спрятать пустоту. Мы шли в бой с криком "За Рикугами!". Но в глазах у всех был вопрос: "А зачем?". Ответа не было. Только кровь на клинках.»

Источник: «Трактат Разбитого Дао» (Аматэрасу — Великая Страна)

Страницы вырваны, текст прерывистый, написан кистью на рисовой бумаге, пятна туши похожи на слёзы.

«Они сказали нам: "Нарушен баланс". Соседи построили храм слишком высоко. Их тень упала на наши поля. Это

оскорбило небеса. Так нам сказали. Мы пошли разрушать храм. Но когда храм рухнул, небеса не упали на землю. Солнце взошло как обычно. Баланс не восстановился. Мы убили жрецов, которые молились за ветер. Ветер не переменялся. Мы поняли: дело не в храме. Дело не в тени. Дело в том, что нам нужно было кого-то ненавидеть. Баланс — это ложь, которую придумали мудрецы, чтобы дети не спрашивали, почему отец не вернулся с войны. Дао молчало. Оно не одобряло. Оно просто смотрело.»

Источник: «Железная Песнь Гор» (Сусаноо — Великая Страна)

Высечена на камне, буквы стёрты ветром и песком, края окровавлены.

«Мы воевали за землю. За клочок скалы, где ничего не растёт. Где нет воды. Где только ветер воет. Генерал сказал: "Это стратегическая высота". Стратегия для чего? Для смерти? Мы взяли высоту. Потеряли полк. Потом враг отбил её. Потерял полк. Потом мы снова взяли. Она не изменилась. Та же серая скала. Те же камни. Но теперь они были красные. Мы сражались не за землю. Мы сражались за право сказать: "Это моё". Но земля не принадлежит никому. Она переживёт нас всех. Скала стояла. Мы падали. Кто победил? Скала.»

Источник: «Хроника Танца Клинка» (Чхонгунг — Великая Страна)

Свиток запечатан воском, печать сломана, пахнет вином и железом.

«Всё началось с песни. Бард из соседней долины спел мелодию, которую мы считали своей. Они сказали: "Это наш ритм". Мы сказали: "Это наш воздух". Начались стычки. Потом дуэли. Потом армии. Тысячи умерли за ноту. За ритм. Когда я пришёл на поле боя, там не было музыки. Только хрип умирающих. Они пытались петь перед смертью. Но голоса сбивались. Мы уничтожили их деревню, чтобы вернуть песню. Но песня умерла вместе с ними. Теперь у нас есть территория. Но нет музыки. Тишина громче любого гимна. Мы победили. Но стали немymi.»

Источник: «Мраморный Шёпот» (Сяньню — Великая Страна)

Ткань истлела, текст почти не читается, сохранён в стекле, пахнет лавандой и гнилью.

«Мы воевали за красоту. Звучит безумно? Да. Но это правда. Их архитектор построил мост, который был красивее нашего. Наш правитель не мог это стерпеть. "Искусство должно быть совершенным", — сказал он. И послал армию разрушить мост. Мы разрушили. Но наш мост не стал красивее от этого. Он остался таким же. Мы убили художников, которые рисовали фрески на стенах врага. Теперь наши стены пустые. Мы добились монополии на красоту. Но красота без зрителя — это уродство. Мы смотрим на свои идеальные города и видим могилы. Искусство требует жизни. Мы отдали жизнь ради искусства. Сделка была неравноценной.»

Источник: «Дневник Цветочного Месяца» (Ханацуки —

Средняя Страна)

Страницы вырваны из книги, залиты соком растений, которые теперь мертвы.

«Мы не знаем, за что воюем. Seriously. Никто не знает. Великие страны говорят нам: "Вы должны выбрать сторону". Но стороны нет. Есть только убийцы в разных доспехах. Рикугами говорит: "Мы несём порядок". Аматаэрасу говорит: "Мы несём гармонию". Но когда они проходят через наши поля, порядок — это пепел. Гармония — это тишина кладбища. Нам приказали защищать границу. Какую границу? Её переносили пять раз за год. Вчера мы были в одной стране. Сегодня — в другой. Завтра будем ничьими. Мы умираем за линию на карте, которую нарисовали пьяные генералы. Линия не видит нашей крови. Ей всё равно.»

Источник: «Записки Туманного Поля» (Касумигахара — Средняя Страна)

Бумага сырая, буквы расплылись, будто писали под дождём.

«Туман скрывал правду. Мы нападали на тени. Думали, что это враг. Оказывалось — свои. Убивали друзей в мгле. Когда туман рассеивался, мы видели лица. Братья. Отцы. Соседи. Кто приказал напасть? Генерал сказал: "Разведка донесла". Какая разведка? В тумане ничего не видно. Мы поняли: приказа не было. Был страх. Генерал боялся тишины. Он послал нас убивать, чтобы слышать крики вместо тишины. Крики проще понять. Тишина пугает. Мы стали маши-

ной для шума. Но шум не заполняет пустоту. Он только заглушает её на время.»

Источник: «Скрижаль Чёрного Металла» (Куроганэ — Средняя Страна)

Выгравировано на листе железа, покрытом ржавчиной.

«Мы ковали мечи для обеих сторон. Одни и те же мастера. Одни и те же печи. Меч, который убивал солдата Рикугами, был выкован тем же человеком, что и меч солдата Аматаэрасу. Сталь одна. Кровь одна. Смерть одна. Мы смотрели, как наши мечи встречаются в бою. Искра летела в глаза. Мы не болели ни за кого. Мы болели за сталь. Если меч ломался — мы злились. Не потому что человек умер. А потому что наша работа была плохой. Мы потеряли человечность раньше, чем началась война. Мы были инструментом. Инструмент не спрашивает: "Зачем?". Инструмент просто режет.»

Источник: «Свиток Красного Города» (Акадзора — Малая Страна)

Обугленная ткань, края крошатся при касании.

«Нас стерли. Просто так. Мы были на пути. Армия шла на столицу врага. Мы попали под ноги. Никто не спросил: "Вы кто?". Никто не спросил: "Вы за кого?". Мы были препятствием. Как камень на дороге. Его не ненавидят. Его просто пинают. Мы пытались объяснить: "Мы нейтральны". Генерал засмеялся. "Нейтралитет — это слабость", — сказал он. И приказал сравнять город с землёй. За что? Чтобы не было свидетелей? Чтобы не было лишнего рта? Мы умерли

не за причину. Мы умерли за удобство. Это обиднее всего. Быть убитым за причину — это трагедия. Быть убитым за удобство — это мусор.»

Источник: «Песнь Синего Ветра» (Аокадзе — Малая Страна)

Нацарапано на стене пещеры, буквы неровные.

«Ветер не знает границ. Но люди знают. Они рисуют линии на земле и говорят: "Досюда — моё. Дальше — чужое". Ветер смеётся. Он дует везде. Мы пытались объяснить это солдатам. Они сказали: "Ты шпион". И повесили нас на дереве, которое растило наши отцы. Дерево плакало соком. Солдаты пили вино под ним. Они не слышали плача. Они говорили о стратегии. О тактике. О славе. Но слава не греет в могиле. Ветер унёс наши тела. Линии на земле остались. Но ветер всё равно дует через них. Границы — для людей. Для смерти их нет.»

Источник: «Устный Сказ Старейшины Иори» (Деревня Кадзэно Хакуба — Рикугами)

Записано со слов умирающего старика, чернила свежие, рука дрожит.

«Я помню, как всё началось. Из-за яблока. Серьёзно. Один солдат украл яблоко у девочки. Девочка заплакала. Отец девочки ударил солдата. Солдат позвал друзей. Отец позвал соседей. Друзья позвали полк. Соседи позвали ополчение. Через месяц была война. Через год — миллион мертвых. Из-за яблока. Кто-то скажет: "Это легенда". Нет. Это

правда. Я видел то яблоко. Оно сгнило на земле. Пока мы убивали друг друга, оно гнило. Черви ели его. Мы ели друг друга. А яблоко просто лежало. Оно не стоило жизни. Но мы решили, что стоит. Мы придали ему смысл. Смысл был в нашей голове. Не в яблоке.»

Источник: «Запись Странника» (Без страны)

Кусок пергамента, найденный в кармане трупа, имя стёрто.

«Я спрашивал у генералов. У солдат. У вдов. У сирот. "За что?". Ответы разные. "За бога". "За короля". "За землю". "За мечь". Но глаза у всех одинаковые. Пустые. Они не верят в свои слова. Они повторяют их, как мантру. Чтобы не сойти с ума. Если сказать "Я убиваю, потому что мне приказали" — ты раб. Если сказать "Я убиваю за идею" — ты герой. Все хотят быть героями. Даже рабы. Я видел одного солдата. Он плакал, когда убивал. Я спросил: "Зачем?". Он сказал: "Не знаю. Но если я не убью его, он убьёт меня". Это единственная правда. Остальное — ложь. Страх — единственная причина. Всё остальное — декорация.»

Источник: «Фрагмент Зеркала» (Неизвестное происхождение)

Осколок стекла, на обратной стороне царапины.

«Мы смотрели в зеркало войны. Оно показывало не врага. Оно показывало нас. Враг носил другую форму. Говорил на другом языке. Молился другому богу. Но когда он умирал, кровь была красной. Как у нас. Когда он кричал, звук был

таким же. Как у нас. Когда он молился, слова были другими, но интонация — та же. Мольба о пощаде универсальна. Мы убивали отражение. Мы ненавидели в них себя. Свои слабости. Свои страхи. Свою смертность. Убивая врага, мы пытались убить смерть. Но смерть не умирает. Она только меняет хозяина. Зеркало разбилось. Осколки порезали руки. Кровь капала на осколки. В каждом осколке — я. Убивающий себя.»

Источник: «Последнее Письмо Матери» (Любая страна)

Смятая бумага, следы слёз, кровь на углу.

«Твой отец ушёл на войну. Он сказал: "За мир". Какой мир? Тот, где нет тебя? Тот, где нет его? Я не понимаю. Мне сказали: "Он герой". Герой не возвращается. Герой остаётся в земле. Я не хочу героя. Я хочу мужа. Я хочу отца для тебя. Но мне дали флаг. Сложенный треугольником. Сказали: "Это память". Память не греет ночью. Память не кормит. Флаг — это тряпка. Окрашенная кровью. Они говорят: "Жертва необходима". Чья жертва? Наша. Не их. Генералы не жертвуют собой. Они жертвуют нами. И называют это долгом. Долг перед кем? Перед теми, кто сидит в тёплых кабинетах? Я ненавижу их долг. Я ненавижу их причину. Я хочу, чтобы ты жил. Даже если без причины.»

Источник: «Хроника Падения Звёзд» (Астрономы Ама-эрасу)

Звёздная карта, многие звёзды зачёркнуты.

«Мы смотрели на звёзды. Они не видели войны. Для них

нет границ. Нет флагов. Нет причин. Звёзды горят и гаснут. Без смысла. Без причины. Просто так. Мы пытались найти знамение. "Почему война?". Звёзды молчали. Однажды упала комета. Генерал сказал: "Это знак победы". Мы пошли в атаку. Проиграли. Комета улетела. Ей было всё равно. Мы искали смысл в космосе. Но космос пуст. Как и наша война. Мы придавали значение случайностям. Тень от облака — "Предвестие беды". Пение птицы — "Благословение". Это самообман. Мы хотели, чтобы вселенная участвовала в нашей бойне. Но вселенная равнодушна. Это страшнее любой армии.»

Источник: «Отчёт Разведчика» (Сусаноо)

Кожанный свиток, запачкан грязью.

«Я infiltrated их лагерь. Слушал разговоры. Они не говорили о славе. Не о богах. Они говорили о еде. О женщинах. О доме. Один сказал: "Я забыл лицо дочери". Другой: "Надеюсь, урожай собрали". Третий: "Хочу спать". Никакой идеологии. Никакой ненависти. Просто усталость. Они убивали нас не потому что ненавидели. А потому что им приказали. Мы убивали их по той же причине. Два стада баранов, которых столкнули лбами. Пастухи стоят на холме. Смотрят. Спорят, чей флаг выше. Бараны умирают. Пастухи делают шкуру. Мы — бараны. Но мы думаем, что мы волки. Это самая большая ложь.»

Источник: «Молитва Слепого Монаха» (Рикугами)

Выцарапано на стене храма, буквы глубокие.

«Я молился о причине. Бог молчал. Я молился о смысле. Тишина. Я молился о конце. Ничего. Тогда я понял: причины нет. Смысла нет. Конца нет. Есть только процесс. Война — это машина. Ей нужно топливо. Мы — топливо. Машина не спрашивает: "Зачем?". Она просто едет. Мы думаем, что управляем машиной. Но мы — в колесах. Нас перемалывает. Кровь — смазка. Кости — шестерёнки. Крики — звук мотора. Машина не остановится. Потому что она не знает, куда едет. У неё нет руля. У неё нет цели. У неё только движение. Движение ради движения. Смерть ради смерти. Я перестал молиться. Я просто слушаю скрежет.»

Источник: «Запись Наблюдателя» (Непризнанные Земли)
Кусок угля на камне.

«Я видел, как начинались войны. Не было громких слов. Не было деклараций. Был толчок. Кто-то кого-то задел. Кто-то кого-то оскорбил. Кто-то кого-то не так посмотрел. Искра. Потом пожар. Люди раздувают его. Дуют на него. Кричат: "Горит! Горит!". Но никто не пытается потушить. Все подбрасывают дрова. "Это священный огонь", — говорят они. Какой священный? Это просто огонь. Он жжёт всё. Добро. Зло. Правых. Виноватых. Ему всё равно. Мы сгораем. И говорим: "Мы светим". Нет. Мы просто пепел. Ветер разнесёт нас. И никто не вспомнит, почему мы горели. Причина сгорит первой.»

Источник: «Дневник Генерала К. (Страна неизвестна, имя стёрто)

Кожаный переплёт, страницы вырваны.

«День 45. Мы взяли высоту. Потери: 300 человек. Зачем? Чтобы поставить флаг. Флаг порвётся через неделю от ветра. День 60. Они отбили высоту. Потери врага: 400 человек. Зачем? Чтобы убрать наш флаг. Флаг уже был рваный. День 90. Мы снова идём на высоту. Я смотрю на карту. Эта точка не имеет значения. Через год здесь будет пастбище. Через сто лет — лес. Через тысячу лет — никто не вспомнит. Но сегодня мы умрём за эту точку. Я пишу это и понимаю: я сошёл с ума. Или мир сошёл с ума. Я выбираю второе. Так легче. Сумасшедший мир не требует объяснений. Сумасшедший мир требует только подчинения. Я подчиняюсь. Потому что я трус. Я боюсь признаться: это бессмысленно. Если это бессмысленно — зачем я здесь? Зачем они здесь? Зачем всё это?»

Источник: «Песнь Мёртвых Солдат» (Хор призраков, записано медиумом)

Транскрипция сеанса, чернила высохли.

«Мы не помним причин. Мы помним боль. Боль не имеет причины. Она просто есть. Мы кричали имена генералов. Теперь мы кричим в пустоту. Генералы не слышат. Они далеко. В тёплых шатрах. Мы здесь. В холодной земле. Нас спрашивают: "За что вы погибли?". Мы отвечаем: "За ничего". "Ничего" — тяжёлое слово. Оно давит сильнее камня. Лучше сказать: "За родину". Родина не чувствует веса могил. Лучше сказать: "За свободу". Свобода не приходит на

кладбище. Мы говорим правду: "За ничего". И земля принимает нас. Потому что земля тоже ничего не ждёт. Она просто ждёт, когда мы станем удобрением. Удобрение не спрашивает причин. Оно просто кормит цветы. Цветы вырастут. Ими будут любоваться дети тех, кто убил нас. Они понюхают цветы. И не почувствуют запаха крови. Это и есть победа. Забыть запах.»

Хокку:

Причина — ложь,
Война без имени бушует,
Скука убивает.

Часть 3: «Отчаяние»

Источник: «Свиток Чёрного Дождя» (Рикугами — Великая Страна)

Хранится в глубинном архиве, чернила выцвели, края обуглены, пахнет горелым кедром и гнилью.

«Отчаяние не приходит с криком. Оно приходит с тишиной. Когда мать перестала плакать над телом сына — вот тогда началось настоящее отчаяние. Слёзы закончились на третий день. Голос — на пятый. На седьмой день она просто сидела у порога и смотрела на дорогу. Ждала. Хотя знала: никто не придёт. Мы называем это "потерей". Но потеря — это когда что-то было и исчезло. Отчаяние — это когда ничего не было. Никогда. Мы родились в пустоте. Мы умрём в пустоте. И между рождением и смертью — только ожидание конца. Самураи точили мечи не для боя. Для ритуала. Когда

нечего защищать, меч становится зеркалом. И в этом зеркале — только смерть. Мы смотрели в неё каждый день. И она смотрела в нас.»

Источник: «Трактат Разбитого Дао» (Аматэрасу — Великая Страна)

Страницы вырваны, текст прерывистый, написан кистью на рисовой бумаге, пятна туши похожи на слёзы, некоторые страницы липкие от крови.

«Баланс нарушен. Не в мире — в душах. Инь и ян перестали танцевать. Осталось только инь. Тьма без света. Холод без тепла. Смерть без жизни. Мудрецы говорили: "Это испытание небес". Какие небеса? Небо молчит уже двадцать лет. Мы молились дождю — пришёл пепел. Молились урожаю — пришла саранча. Молились детям — пришли могилы. Дао не разорвано. Дао умерло. И мы вместе с ним. Отчаяние — это не эмоция. Это состояние мира. Как гравитация. Как время. Как смерть. Ты не можешь убежать от отчаяния. Потому что оно не снаружи. Оно внутри. В каждом вдохе. В каждом ударе сердца. В каждом мгновении между "был" и "нет".»

Источник: «Железная Песнь Гор» (Сусаноо — Великая Страна)

Высечена на камне, буквы стёрты ветром и песком, края окровавлены, некоторые слова заменены символами смерти.

«Горы не эхо. Они — могилы. Каждый утёс хранит кости тех, кто думал, что вершина спасёт. Они поднимались. Достигали. Смотрели вниз. И видели: внизу то же самое. Пепел.

Кровь. Тишина. Отчаяние не имеет высоты. Оно везде. На вершине. В долине. В пещере. В открытом поле. Мы строили крепости на горах. Думали: будем выше смерти. Но смерть не поднимается. Она ждёт. Внизу. В тепле. В уюте. В постели. Когда ты устаёшь бежать — она приходит. И говорит: "Я не гналась за тобой. Я всегда была здесь." Гордость Сусанно — это броня. Но броня не защищает от того, что внутри. Отчаяние просачивается через сталь. Через кожу. Через кости. Оно живёт в##. В самой сути.»

Источник: «Хроника Танца Клинка» (Чхонгунг — Великая Страна)

Свиток запечатан воском, печать сломана, пахнет вином, железом и чем-то сладким — как гниющие цветы.

«Мы танцевали перед смертью. Не от радости. От безумия. Когда понимаешь, что конец неизбежен — остаётся только танец. Клинок в руке. Вино в крови. Женщина в объятиях. Завтра — смерть. Сегодня — жизнь. Но какая это жизнь? Это не жизнь. Это судорога. Последнее сокращение мышцы перед тем, как она остынет. Отчаяние делает нас гедонистами. Не потому что мы любим удовольствие. Потому что мы боимся тишины. Тишина — это когда ты остаёшься один на один с собой. А в себе — пустота. Поэтому мы кричим. Поём. Танцуем. Убиваем. Любим. Ненавидим. Всё что угодно — только не тишина. Но танец заканчивается. Музыка стихает. Вино кончается. И остаётся только тишина. И в тишине — отчаяние. Оно всегда ждало.»

Источник: «Мраморный Шёпот» (Сяньню — Великая Страна)

Ткань истлела, текст почти не читается, сохранён в стекле, пахнет лавандой, гнилью и чем-то древним — как забытые духи.

«Красота умерла первой. Когда цветы перестали цвести — мы поняли: мир больше не хочет жить. Искусство стало мрачным. Скульпторы лепили только смерть. Художники рисовали только чёрное. Поэты писали только эпитафии. Мы пытались сохранить красоту. Строили сады. Выращивали цветы в теплицах. Поливали их вином вместо воды. Но цветы увядали. Даже в тепле. Даже с заботой. Отчаяние — это вирус. Он заражает всё. Красоту. Любовь. Надежду. Веру. Мы смотрели на свои идеальные города и видели могилы. На свои совершенные статуи — видели трупы. На свои прекрасные песни — слышали реквием. Отчаяние не уничтожает. Оно превращает. Жизнь — в смерть. Любовь — в боль. Надежду — в ложь. И нет антидота.»

Источник: «Дневник Цветочного Месяца» (Ханацуки — Средняя Страна)

Страницы вырваны из книги, залиты соком растений, которые теперь мертвы, некоторые страницы отсутствуют — вырваны в гневе или боли.

«Мы были между ними. Между великими. Они топтали нас, как траву. Но трава хотя бы растёт. Мы — нет. Отчаяние малых стран — это не война. Это невидимость. Когда ты

умираешь — никто не замечает. Когда ты кричишь — никто не слышит. Когда ты молишь — никто не отвечает. Мы пытались быть полезными. Выращивали хлеб для армий. Ковали оружие для генералов. Пели песни для победителей. Но когда пришёл конец — нас забыли первыми. Отчаяние — это когда ты понимаешь: твоё существование не имеет значения. Ты можешь исчезнуть — и мир не дрогнет. Ты можешь умереть — и никто не заплачет. Ты можешь жить — и никто не заметит. Это хуже смерти. Смерть — это конец. Невидимость — это когда ты жив, но тебя нет.»

Источник: «Записки Туманного Поля» (Касумигахара — Средняя Страна)

Бумага сырая, буквы расплылись, будто писали под дождём, некоторые слова невозможно разобрать.

«Туман скрывал не убийц. Он скрывал правду. В тумане все равны. Богач и нищий. Воин и крестьянин. Живой и мёртвый. Мы ходили в мгле годами. Забыли, как выглядит солнце. Забыли, как выглядит лицо другого человека. Видели только силуэты. Только тени. Только вспышки клинков. Отчаяние — это когда ты перестаёшь различать. Друга и врага. Правду и ложь. Жизнь и смерть. Всё становится серым. Всё становится одинаковым. Всё становится... ничем. Мы пытались разжечь огни. Но туман гасил их. Пытались кричать. Но туман поглощал звуки. Пытались бежать. Но туман не имеет границ. Он везде. И мы в нём. Навсегда.»

Источник: «Скрижаль Чёрного Металла» (Куруганэ —

Средняя Страна)

Выгравировано на листе железа, покрытом ржавчиной, некоторые буквы стёрты коррозией.

«Мы ковали оружие для тех, кто убивал нас. Знали это. Но продолжали. Потому что альтернатива — голод. А голод — это медленная смерть. Отчаяние — это выбор между двумя смертями. Быстрой и медленной. Мы выбирали медленную. Думали: может, протянем дольше. Может, кто-то придёт. Может, война закончится. Но война не закончилась. И мы умерли. Не от меча. От истощения. От работы. От ожидания. Наши кузницы остыли последними. Когда все остальные уже сдались. Мы держались до конца. Не из надежды. Из упрямства. А упрямство — это последняя стадия отчаяния. Когда ты знаешь, что проиграешь — но продолжаешь. Потому что остановиться — значит признать: всё было зря.»

Источник: «Свиток Красного Города» (Акадзора — Малая Страна)

Обугленная ткань, края крошатся при касании, текст частично уничтожен огнём.

«Нас стерли. Просто так. Мы были на пути. Армия шла на столицу врага. Мы попали под ноги. Никто не спросил: "Вы кто?". Никто не спросил: "Вы за кого?". Мы были препятствием. Как камень на дороге. Его не ненавидят. Его просто пинают. Отчаяние малых стран — это когда ты умираешь не за причину. Не за идею. Не за родину. За удобство. Чтобы армия не обходила. Чтобы не терять время. Чтобы не

замедляться. Мы кричали. Но наш крик потерялся в шуме их марша. Мы умерли не героями. Мы умерли мусором. И это обиднее всего. Быть убитым за причину — это трагедия. Быть убитым за удобство — это... ничто. И в этом ничто — самое глубокое отчаяние.»

Источник: «Песнь Синего Ветра» (Аокадзе — Малая Страна)

Нацарапано на стене пещеры, буквы неровные, некоторые слова заменены символами — будто писавший не знал, как выразить то, что чувствовал.

«Ветер унёс наши имена. Мы пытались записать их. Но чернила кончились. Мы писали кровью. Но кровь высыхала. Мы шептали имена детям. Но дети умирали раньше, чем успевали выучить. Отчаяние — это когда ты понимаешь: после тебя ничего не останется. Ни имени. Ни памяти. Ни следа. Ты был. И тебя нет. И никто не заметит разницы. Ветер не поёт о нас. Он просто проходит сквозь. Как мы проходили через этот мир. Невидимые. Ненужные. Временные. Отчаяние — это не смерть. Это забвение. Смерть — это конец. Забвение — это когда конца даже не заметили. Когда твоя жизнь — это пустое место в чужой памяти. Когда твоё имя — это звук, который никто не повторит.»

Источник: «Устный Сказ Старейшины Иори» (Деревня Кадзэно Хакуба — Рикугами)

Записано со слов умирающего старика, чернила свежие, рука дрожит, некоторые слова неразборчивы из-за дрожи.

«Я жил восемьдесят лет. Видел всё. Войны. Голод. Чуму. Смерть детей. Смерть жён. Смерть друзей. И знаешь, что самое страшное? Не смерть. А привыкание. Сначала ты плачешь. Потом — стонешь. Потом — молчишь. Потом — ничего. Отчаяние — это не крик. Это тишина. Это когда ты смотришь на труп сына и не чувствуешь ничего. Пустота. Абсолютная пустота. Я думал, это старость. Но нет. Это отчаяние. Оно приходит не с возрастом. Оно приходит с потерей. Каждая потеря — это дыра в душе. Сначала маленькая. Потом больше. Потом — вся душа становится дырой. И через эту дыру уходит всё. Боль. Радость. Любовь. Ненависть. Всё. Остаётся только... существование. Не жизнь. Существование. Как камень. Как дерево. Как труп, который ещё дышит.»

Источник: «Запись Странника» (Без страны)

Кусок пергамента, найденный в кармане трупа, имя стёрто, текст написан разными почерками — будто несколько человек добавляли свои строки.

«Я шёл через пять великих стран. Через пятнадцать средних. Через тридцать малых. Везде одно и то же. Пепел. Кости. Тишина. Разница только в языке, на котором молятся перед смертью. В Рикугами шепчут. В Амата́расу поют. В Сусаноо кричат. В Чхонгунг проклинаят. В Сяньню плачут. Но конец один. Отчаяние универсально. Оно не знает границ. Не знает языка. Не знает культуры. Оно одно для всех. Я видел ребёнка, который играл с черепом. Он не знал, что

это череп. Для него это была игрушка. Вот что стало с миром. Смерть стала нормой. Жизнь — исключением. Отчаяние — это когда смерть — это обыденность. А жизнь — это чудо, которое случается всё реже.»

Источник: «Фрагмент Зеркала» (Неизвестное происхождение)

Осколок стекла, на обратной стороне царапины, текст написан чем-то острым — возможно, осколком того же зеркала.

«Я смотрел в зеркало. Оно не показало лицо. Оно показало душу. Там была дыра. Чёрная. Бездонная. Я пытался её заполнить. Водой. Едой. Любовью. Болью. Ничего не помогало. Дыра росла. Отчаяние — это не эмоция. Это состояние. Как гравитация. Ты не можешь убежать от гравитации. Ты не можешь убежать от отчаяния. Оно тянет вниз. Всегда. Ты можешь подпрыгнуть. Но упадёшь. Ты можешь бежать. Но устанешь. Ты можешь кричать. Но голос сорвётся. И останешься лежать. На дне. В темноте. В тишине. В пустоте. Зеркало треснуло. Я порезал руку. Кровь капала на осколки. Кровь отражалась в крови. Бесконечность. Я понял: мы не жертвы. Мы — топливо. Кто-то жжёт нас, чтобы согреться. Но кто? Я не знаю. Я только знаю, что огонь разгорается. И скоро станет светло. Слишком светло.»

Источник: «Последнее Письмо Матери» (Любая страна)

Смятая бумага, следы слёз, кровь на углу, текст прерывается в середине — будто писавшую прервала смерть.

«Мой сын. Если ты читаешь это, меня нет. Не ищи меня. Не мсти. Живи. Я знаю, это сложно. Мир сошёл с ума. Но в тебе есть искра. Не дай ей погаснуть. Они говорят, что надежды нет. Они лгут. Надежда — это не когда всё хорошо. Надежда — это когда всё плохо, но ты всё равно встаёшь. Я вставала. Каждый день. Ради тебя. Теперь ты вставай. Ради себя. Ради тех, кто придёт после. Мир должен измениться. Он не может оставаться таким. Кто-то должен прийти. Кто-то должен сказать "Хватит". Может, это будешь ты. Может, кто-то другой. Но это случится. Я верю. Даже здесь. Даже сейчас. Я верю. Прости, что не смогла...»

Письмо обрывается. Дальше — только пятно крови.

Источник: «Хроника Падения Звёзд» (Астрономы Ама-эрасу)

Звёздная карта, многие звёзды зачёркнуты, на полях — заметки, написанные в разное время, разным почерком.

«Небо менялось. Звёзды падали. Не как метеориты. Как слёзы. Мы считали это знамением. Конец эры. Начало новой. Но какой? Мы смотрели в телескопы. Видели только тьму. Тьма сгущалась над центром мира. Там, где сходятся пять земель. Там что-то зреет. Не добро. Не зло. Что-то древнее. Мы пытались предупредить лидеров. Они смеялись. Они были заняты войной. Они не смотрели на небо. Они смотрели на карты. Но карты лгут. Небо не лжёт. Звёзды знали. Они молчали. Потому что видели: люди не слушают. Теперь звёзды погасли. Осталась только одна. Тусклая. Далекая. Она ждёт.

Мы тоже ждём. Отчаяние астрономов — это когда ты видишь конец. Но никто не верит. Ты кричишь. Но тебя не слышат. Ты знаешь правду. Но правда никому не нужна. И ты молчишь. И ждёшь. И звёзды молчат вместе с тобой.»

Источник: «Отчёт Разведчика» (Сусаноо)

Кожаный свиток, запачкан грязью, кровью и чем-то тёмным — возможно, вином или гнилью.

«Враг не спит. Но и мы не спим. Кто враг? Не знаю. Раньше были лица. Флаги. Имена. Теперь только тени. Они приходят ночью. Забирают людей. Не убивают. Забирают. Куда? Не знаем. Возвращаются пустыми. Или не возвращаются. Лес молчит. Птицы не поют. Звери ушли. Остался только человек. И его страх. Мы ставим ловушки. Они их обходят. Мы строим стены. Они проходят сквозь. Это не армия. Это чума. Чума, которая ходит на двух ногах. Командир сказал: "Держать оборону". Но от чего держать оборону? От воздуха? От тени? Мы сходим с ума. Лучше пуля в лоб, чем эта неизвестность. Отчаяние солдата — это когда ты не знаешь, с кем воюешь. Когда ты не знаешь, за что умираешь. Когда ты не знаешь, кто ты. Просто оружие. Без цели. Без имени. Без конца.»

Источник: «Молитва Слепого Монаха» (Рикугами)

Выцарапано на стене храма, буквы глубокие, некоторые слова стёрты временем, но всё ещё читаются.

«Я не вижу огня. Но я чувствую жар. Я не вижу крови. Но я чувствую запах. Я не вижу смерти. Но я слышу её шаги.

Она близко. Она дышит мне в затылок. Я молюсь не о спасении. Я молюсь о смысле. Зачем всё это? Если бог есть, почему он молчит? Если бога нет, кому мы молимся? Мы кричим в пустоту. И пустота кричит в ответ. Её голос похож на наш. Может, мы и есть боги? Злые. Слепые. Глухие. Мы создали этот ад. Мы его населяем. Мы его кормим. Кто остановит нас? Только кто-то извне. Кто-то, кто не человек. Или кто-то, кто перестал быть человеком. Я жду его. Я готов. Отчаяние верующего — это когда ты молишься. Но знаешь: никто не ответит. Но продолжаешь молиться. Потому что молитва — это не просьба. Это крик. И кричать лучше, чем молчать.»

Источник: «Запись Наблюдателя» (Непризнанные Земли)

Кусок угля на камне, текст частично стёрт дождём, некоторые слова заменены символами.

«Они говорят о конце света. Но конец света — это не взрыв. Это тишина. Когда перестаёт биться сердце последнего ребёнка. Когда гаснет последний очаг. Когда забывается последнее имя. Мы близки к этому. Я вижу, как гаснут глаза. Сначала в них боль. Потом пустота. Потом ничего. Они смотрят на тебя, но не видят. Они живы, но их нет. Это страшнее смерти. Смерть — это точка. Это состояние — многоточие. Бесконечное страдание. Я пишу это, чтобы кто-то знал. Чтобы кто-то помнил. Но кто прочтёт? Ветер сотрёт эти слова. Как он стёр нас. Но я всё равно пишу. Потому что писать — значит жить. Пока я пишу, я есть. Отчаяние писателя — это когда ты знаешь: твои слова никто не прочтёт.

Но пишешь. Потому что если перестанешь — умрёшь. И это единственная причина.»

Источник: «Дневник Генерала К.» (Страна неизвестна, имя стёрто)

Кожаный переплёт, страницы вырваны, некоторые страницы исписаны кровью вместо чернил.

«День 45. Мы взяли высоту. Потери: 300 человек. Зачем? Чтобы поставить флаг. Флаг порвётся через неделю от ветра. День 60. Они отбили высоту. Потери врага: 400 человек. Зачем? Чтобы убрать наш флаг. Флаг уже был рваный. День 90. Мы снова идём на высоту. Я смотрю на карту. Эта точка не имеет значения. Через год здесь будет пастбище. Через сто лет — лес. Через тысячу лет — никто не вспомнит. Но сегодня мы умрём за эту точку. Я пишу это и понимаю: я сошёл с ума. Или мир сошёл с ума. Я выбираю второе. Так легче. Сумасшедший мир не требует объяснений. Сумасшедший мир требует только подчинения. Я подчиняюсь. Потому что я трус. Я боюсь признаться: это бессмысленно. Если это бессмысленно — зачем я здесь? Зачем они здесь? Зачем всё это? Отчаяние генерала — это когда ты ведёшь людей на смерть. И знаешь: это зря. Но ведёшь. Потому что альтернатива — признать: ты убийца без причины.»

Источник: «Песнь Мёртвых Солдат» (Хор призраков, записано медиумом)

Транскрипция сеанса, чернила высохли, бумага пожелтела, некоторые слова неразборчивы.

«Мы не помним причин. Мы помним боль. Боль не имеет причины. Она просто есть. Мы кричали имена генералов. Теперь мы кричим в пустоту. Генералы не слышат. Они далеко. В тёплых шатрах. Мы здесь. В холодной земле. Нас спрашивают: "За что вы погибли?". Мы отвечаем: "За ничего". "Ничего" — тяжёлое слово. Оно давит сильнее камня. Лучше сказать: "За родину". Родина не чувствует веса могил. Лучше сказать: "За свободу". Свобода не приходит на кладбище. Мы говорим правду: "За ничего". И земля принимает нас. Потому что земля тоже ничего не ждёт. Она просто ждёт, когда мы станем удобрением. Удобрение не спрашивает причин. Оно просто кормит цветы. Цветы вырастут. Ими будут любоваться дети тех, кто убил нас. Они понюхают цветы. И не почувствуют запаха крови. Это и есть победа. Забыть запах. Отчаяние мёртвых — это когда ты понимаешь: твоя смерть никому не нужна. Даже тем, за кого ты умер.»

Источник: «Записка Самоубийцы» (Найдена у тела, страна неизвестна)

Клочок бумаги, смятый, испачканный слезами и кровью, текст написан дрожащей рукой.

«Я не могу больше. Не от боли. От пустоты. Боль проходит. Пустота — нет. Она растёт. Каждый день. Каждый час. Каждую секунду. Я пытался заполнить её. Работой. Любовью. Вином. Войной. Ничего не помогало. Пустота всегда была там. Где она сейчас — я не знаю. Может, внутри. Может, снаружи. Может, это и есть мир. Пустота. А мы — про-

сто пыль в ней. Временная. Случайная. Бессмысленная. Я не хочу быть пылью. Я хочу быть чем-то. Чем-то настоящим. Чем-то важным. Но ничего нет. Ничего не было. Ничего не будет. Простите. Если есть кому. Если нет — всё равно. Никто не прочтёт. Никто не поймёт. Никто не заметит. Как всегда. Отчаяние самоубийцы — это не желание умереть. Это желание перестать чувствовать пустоту. Но смерть — не выход. Пустота идёт с тобой. Даже туда.»

Источник: «Последний Стих Поэта» (Сяньню)

Выгравировано на стене башни, буквы изящные, но некоторые стёрты временем, текст обрывается на полуслове.

«Розы увяли в вазах,
Звёзды погасли в небе,
Слова потеряли смысл,
Сердца — ритм.
Я писал о любви.
Но любовь умерла.
Я писал о надежде.
Но надежда — ложь.
Теперь я пишу о тишине.
Она единственная правдива.
Она не обещает.
Не лжёт.
Не уходит.
Она просто...

»

Стих обрывается. Дальше — только царапины, будто поэт уронил инструмент или...

Источник: «Свидетельство Выжившего» (Деревня, стёртая с карты)

Записано на куске дерева, текст выжжен огнём, некоторые части не читаются.

«Я один. Остался один. Вся деревня — пепел. Жена — пепел. Дети — пепел. Собака — пепел. Дом — пепел. Я — не пепел. Почему? Не знаю. Может, бог шутит. Может, демон играет. Может, случайность. Но я жив. И это худшее наказание. Отчаяние выжившего — это когда ты жив. А все, кого любил — мертвы. Ты дышишь. А они — нет. Ты ешь. А они — голодны навсегда. Ты спишь. А они — в земле. Ты живёшь. А они — в памяти. Но память стирается. Через год — меньше. Через десять — ещё меньше. Через сто — никого. И ты понимаешь: ты умрёшь дважды. Первый раз — когда они умерли. Второй раз — когда ты умрёшь. И между этими смертями — только ожидание. И пустота. И вопрос: "Зачем?"»

Источник: «Философия Пустоты» (Неизвестный автор, найдена в руинах библиотеки)

Кожа, текст написан чернилами, которые поблёкли, некоторые страницы отсутствуют.

«Пустота — не отсутствие. Это присутствие. Присутствие того, чего нет. Как тень без объекта. Как звук без источника. Как боль без раны. Мы пытаемся заполнить пустоту.

Но пустота не заполняется. Она поглощает. Всё. Свет. Тьму. Жизнь. Смерть. Мы — не существа. Мы — сосуды. Для пустоты. Она течёт через нас. Как кровь. Как дыхание. Как время. Мы не можем остановить её. Мы не можем убежать от неё. Мы не можем победить её. Потому что она — не враг. Она — мы. Отчаяние — это осознание. Осознание того, что внутри — ничего. И снаружи — ничего. И между — ничего. Всё — ничего. И это ничего — единственная правда. Всё остальное — ложь. Надежда — ложь. Любовь — ложь. Вера — ложь. Только пустота — правда. И правда — это самое страшное, что может увидеть человек.»

Хокку:

Глаза без слёз,

Сердца пусты, как пепелище,

Конец не приходит.

Часть 4: «Легенды о спасителе»

Источник: «Свиток Белого Ворона» (Рикугами — Великая Страна)

Хранится в глубинном архиве, чернила выцвели, края обуглены, пахнет горелым кедром и ладаном.

«Они ждали Небесного Святого. Тэнсея. Говорили, он упадёт с звёзд, как метеорит. Не разрушит землю — исцелит её. Его шаги станут цветами. Его дыхание — ветром. Его кровь — водой. Мы смотрели на небо годами. Шеи болели. Глаза слепли. Но небо было пустым. Некоторые говорили: "Он уже здесь. Среди нас". И начинали убивать сосе-

дей. Вдруг это он? Вдруг он скрывается? Мы искали спасителя в крови. Ирония? Нет. Отчаяние. Спаситель не пришёл. Пришли только вороны. Они клевали глаза тем, кто слишком долго смотрел вверх.»

Версия Амата́расу:

«Тэнсей не упадёт. Он уже упал. Давно. И разбился. Его осколки — это камни, которые светятся в полнолуние. Мы собирали их. Глотали. Думали: станет легче. Но камни были холодными. Они не грели. Они только резали горло. Спаситель не человек. Это место. Земля Обетованная. Где нет войны. Мы шли туда. Но карта вела в круг. Мы возвращались туда, откуда начали. Спаситель — это иллюзия пути.»

Версия Сусаноо:

«Спаситель — это меч. Один меч. Который рассечёт небо. И выпустит дождь. Мы ковали тысячи мечей. Каждый называли "Тем Самым". Но они ломались. Сталь не выдерживала надежды. Спаситель не принесёт мир. Он принесёт победу. А победа — это когда остаётся один. И этот один — ты. Но если ты один — кто спасётся? Пустота. Спаситель — это одиночество.»

Хокку:

«Шёпот у костра,

"Придёт спаситель" — верят все

,Но чудес не бывает.»

Источник: «Трактат Разбитых Зеркал» (Амата́расу — Великая Страна)

Страницы вырваны, текст прерывистый, написан кистью на рисовой бумаге, пятна туши похожи на слёзы.

«Зеркало показывало лицо. Но не наше. Чужое. Идеальное. Без шрамов. Без боли. Мы верили: это он. Спаситель. Мы разбивали зеркала. Чтобы освободить его. Осколки резали руки. Кровь капала на пол. И в лужах крови мы видели то же лицо. Оно смеялось. Спаситель не снаружи. Он внутри. Но внутри была пустота. Мы копали в себе. И нашли только кости. Спаситель — это болезнь. Мы лечились от него. Но он не уходил.»

Версия Рикугами:

«Зеркала лгали. Спаситель не имеет лица. У него тысяча лиц. И ни одного. Он приходит в облике того, кого ты любишь. Чтобы ты открыл дверь. Чтобы ты впустил смерть. Мы не открывали. Стучали годами. Он ушёл. Или остался стоять за дверью. Мы слышали дыхание. Но не открывали. Страх сильнее надежды. Спаситель — это враг в маске друга.»

Версия Сяньню:

«Зеркала были порталами. Спаситель живёт в отражении. В мире наоборот. Там нет войны. Там дети не умирают. Мы пытались пройти сквозь стекло. Разбивали его телом. Кровь текла рекой. Но портал не открывался. Стекло было твёрже стали. Спаситель — это тюрьма. Мы бились о решётки. И умирали у порога.»

Хокку:

«Лицо в осколках,

Не моё — чужое смотрит,

Кто там — неизвестно.»

Источник: «Железная Песнь Пророка» (Сусаноо — Великая Страна)

Высечена на камне, буквы стёрты ветром и песком, края окровавлены.

«Пророк сказал: "Он придёт из моря". Мы ждали на берегу. Годы. Штормы смывали ноги. Солнце жгло спины. Море молчало. Потом прибило тело. Не человека. Сирены? Нет. Просто труп. Без имени. Мы похоронили его. Думали: это знак. Но знак был пустым. Море не отдаёт спасителей. Оно забирает. Спаситель — это утопленник. Мы молились воде. Но вода была солёной. Как слёзы.»

Версия Чхонгунг:

«Из моря выйдет зверь. Не рыба. Человек-рыба. Он научит дышать под водой. Чтобы не слышать криков на земле. Мы пытались отрастить жабры. Резали шеи. Вшивали пластины. Инфекции съедали плоть. Но никто не выжил. Спаситель — это мутация. Мы хотели стать другими. Чтобы не чувствовать боль. Но боль была в душе. А не в теле.»

Версия Рикугами:

«Море — это слёзы богов. Спаситель всплывёт из глубины. Как пузырь воздуха. Мы ныряли. Искали дворцы. Находили только водоросли. И кости китов. Киты пели. Но их песни были реквиемом. Спаситель не придёт с моря. Он уйдёт в него. Чтобы скрыться от нас. Мы слишком грязные для

спасения.»

Хокку:

«Берег пустой,
Море не выбросит чуда,
Только солёный вкус.»

Источник: «Хроника Пятого Элемента» (Чхонгунг — Великая Страна)

Свиток запечатан воском, печать сломана, пахнет вином и железом.

«Четыре стихии нас предали. Огонь жжёт. Вода топит. Земля хоронит. Воздух душит. Нужен пятый. Эфир. Дух. Спаситель принесёт его. В сосуде. Мы искали сосуды. Кувшины. Чаши. Черепа. Наполняли их воздухом. Закупоривали. Хранили. Но воздух улетучивался. Сосуды были дырявыми. Как и мы. Спаситель — это пустота. Пятый элемент — это отсутствие четырёх остальных. Смерть. Мы ждали смерть. И называли её спасением.»

Версия Аматэрасу:

«Пятый элемент — это время. Спаситель остановит его. Чтобы боль не длилась вечно. Мы молили о паузе. Хотя бы на минуту. Но время текло. Как песок. Как кровь. Как вода. Спаситель не пришёл. Время не остановилось. Оно просто ускорилося. Чтобы мы быстрее умерли. И не заметили конца.»

Версия Сусаноо:

«Пятый элемент — это кровь. Кровь спасителя. Мы про-

лили свою. hoping to attract his. Но кровь была одинаковой. Красной. Густой. Смердящей. Спаситель не имеет крови. Он дух. А духи не воюют. Они наблюдают. Мы были цирком для духов. Они смеялись над нашими попытками.»

Хокку:

«Пятый элемент —

Пустота между вдохов,

Смерть зовётся миром.»

Источник: «Мраморный Шёпот Детей» (Сяньню — Великая Страна)

Ткань истлела, текст почти не читается, сохранён в стекле, пахнет лавандой и гнилью.

«Дети видели его. Чаше взрослых. Их глаза ещё не замутили кровью. Они рисовали его. Высокий. Светлый. Без оружия. С цветком в руке. Мы смеялись. "Где оружие?", — спрашивали мы. "Как он защитит?". Дети молчали. Они знали: оружие не защищает. Оно убивает. Спаситель не воюет. Он просто есть. И где он есть — там нет войны. Но он не приходил. Дети перестали рисовать. Они начали рисовать могилы. Спаситель — это детская игра. Мы выросли. И проиграли.»

Версия Рикугами:

«Дети лгали. Они видели демонов. Но называли их ангелами. Чтобы не бояться. Спаситель — это маска страха. Мы снимали маски. Под ними были черепа. Дети плакали. Но мы заставляли их смотреть. "Запоминай врага", — говори-

ли мы. Спаситель не нужен. Нужен враг. Враг объединяет. Спаситель разделяет. Потому что спасение — для каждого своё.»

Версия Сяньню:

«Дети — это спасители. Они ещё не убили никого. Их руки чистые. Но мы загрязняли их. Вкладывали мечи в ладошки. Учили держать. Они роняли. Мечи были тяжёлыми. Для детских рук. Для детских душ. Спаситель — это невинность. Мы убили её. В себе. В них. И теперь ждём воскресения. Но мёртвые не встают.»

Хокку:

«Детский рисунок,
Светлый человек с цветком,
Краска стала кровью.»

Источник: «Дневник Последнего Жреца» (Ханацуки — Средняя Страна)

Страницы вырваны из книги, залиты соком растений, которые теперь мертвы.

«Храм пуст. Боги ушли. Остался только алтарь. И пыль. Я ждал. Каждый день. Зажигал свечи. Они сгорали. Я зажигал новые. Они тоже. Пила свечей росла. Как памятник моему безумию. Спаситель придёт на свет. Но свет привлекал только мотыльков. Они сгорали в пламени. Как и я. Спаситель — это мотылёк. Летит на огонь. И умирает. Мы были огнём. И ждали, что кто-то сгорит ради нас. Но никто не пришёл.»

Версия Аматаэрасу:

«Жрецы лгали. Они знали: богов нет. Но продолжали молиться. Чтобы люди не взбунтовались. Спаситель — это инструмент контроля. "Ждите", — говорили они. "Терпите". И люди терпели. Пока не умерли. Жрецы выжили. У них была еда. В храмах. Спаситель — это хлеб. Который жрецы ели сами. А нам показывали крошки.»

Версия Ханацуки:

«Я был жрецом. Я лгал. Я знаю. Но я тоже ждал. Втайне. Ночами. Шептал: "Приди". Не ради людей. Ради себя. Я устал. Спаситель — это отпуск. Для уставших богов. Но боги не устают. Они вечны. Мы смертны. И поэтому нам нужна надежда. Ложная. Но надежда.»

Хокку:

«Свечи догорели,

Храм пуст, алтарь в пыли стоит,

Бог не пришёл к нам.»Источник: «Записки Безумного Учёного» (Касумигахара — Средняя Страна)

Бумага сырая, буквы расплылись, будто писали под дождём.

«Я пытался создать его. Искусственно. Из плоти. Из стали. Из магии. Гомункул. Он должен был спасти нас. У него было сердце. Но не билось. Были лёгкие. Но не дышали. Был мозг. Но не думал. Он был идеальным. Мёртвым. Спаситель — это кукла. Мы можем сделать её сами. Но она не оживёт. Жизнь — это хаос. А спаситель — это порядок. Порядок мёртв.»

Версия Куроганэ:

«Магия не работает. Законы физики сломаны. Мы пытались изменить гравитацию. Чтобы враги падали в небо. Не вышло. Пытались изменить время. Чтобы вернуть мёртвых. Не вышло. Спаситель — это нарушение законов. Но законы сильнее нас. Они давят. Как плиты. Мы под ними. Спаситель не поднимет плиты. Он раздавит нас ими.»

Версия Касумигахара:

«Я сошёл с ума. От знаний. Знание — сила. Но сила — бремя. Спаситель — это невежество. Те, кто не знает, надеются. Те, кто знает — отчаиваются. Я знаю слишком много. Поэтому я не верю. Но я пишу. Чтобы кто-то другой, глупый, поверил. И был счастлив. В своём безумии.»

Хокку:

«Кукла из плоти, Сердце не бьётся в груди, Жизнь — это ошибка.»

Источник: «Скрижаль Чёрного Рынка» (Куроганэ — Средняя Страна)

Выгравировано на листе железа, покрытом ржавчиной.

«Спасителя можно купить. Так говорили торговцы. Продавали амулеты. Зелья. Карты. "Это приведёт к нему". Мы покупали. Тратили последние деньги. Амулеты ломались. Зелья травили. Карты вели в тупик. Торговцы смеялись. Уезжали. На наших деньгах. Спаситель — это товар. Мы были покупателями. Но товар был бракованным. И возврата нет.»

Версия Рикугами:

«На чёрном рынке продавали души. "Обменяй душу на встречу". Мы меняли. Становились пустыми. Но встреча не назначалась. Продавцы исчезали. Вместе с душами. Спаситель — это афера. Крупнейшая в истории. Мы инвестировали в него всё. И обанкротились. Душой.»

Версия Куроганэ:

«Я был торговцем. Я продавал надежду. Флаконы с воздухом. "Воздух из рая", — говорил я. Они покупали. Пили. И умирали от жажды. Воздух не насыщает. Но они верили. До конца. Я богат. Но я пуст. Как мои флаконы. Спаситель — это валюта. Которая обесценилась.»

Хокку:

«Золото в грязи, Душа продана за свет, Свет оказался тьмой.»

Источник: «Свиток Красной Нити» (Акадзора — Малая Страна)

Обугленная ткань, края крошатся при касании.

«Судьба связана нитью. Красной. Невидимой. Спаситель найдёт нас по ней. Мы связывали запястья. Друг друга. Чтобы не потеряться. Чтобы нить была видна. Но нити гнили. Руки опухали. Кровь останавливалась. Мы умирали в связках. Как пленники. Спаситель — это верёвка. Мы связали себя ею. И повесились. Коллективно.»

Версия Аматаэрасу:

«Нить рвётся. Когда человек умирает. Мы слушали щелчки. В темноте. Нити лопались. Как струны. Музыка смерти.

Спаситель не придёт. Нить оборвалась. У всех. Мы свободны. От судьбы. От спасения. От жизни. Свобода — это когда некому тебя спасти.»

Версия Акадзора:

«Мы искали конец нити. Чтобы найти спасителя. Но нить была замкнута. В кольцо. Мы бегали по кругу. Держась за неё. И умирали от истощения. Спаситель — это лабиринт. Из которого нет выхода. Только смерть.»

Хокку:

«Красная нить рвётся,
Запястья в крови, узлы,
Свобода — конец.»

Источник: «Песнь Слепого Барда» (Аокадзе — Малая Страна)

Нацарапано на стене пещеры, буквы неровные.

«Я не вижу его. Но я слышу. Его шаги. Лёгкие. Как ветер. Он идёт. Но не сюда. Мимо. Он проходит через мир. Как сквозняк. Мы чувствуем холод. И думаем: это он. Но это просто смерть. Смерть ходит легко. Спаситель ходит тяжело. Потому что несёт мир на плечах. Мы не слышали тяжести. Значит, он не пришёл. Мы слышали только лёгкость. Ухода.»

Версия Сусаноо:

«Барды лгали. Они пели за еду. "Спаситель близко", — пели они. Люди давали хлеб. Барды ели. И пели снова. Спаситель — это песня. Когда песня кончается — он исчезает. Мы платили за тишину. Но тишина была бесплатной. И

страшной.»

Версия Аокадзе:

«Я слеп. Но я вижу больше зрячих. Зрячие смотрят на дороги. Я слушаю землю. Дороги молчат. Никто не идёт. Спаситель не придёт пешком. Он прилетит. Или не придёт вообще. Но небо молчит. Значит, не прилетит. Я пою о том, чего нет. Чтобы люди не плакали. Песня — это анестезия.»

Хокку:

«Шаги в тишине,
Лёгкие, как смерть, идут,
Мимо, не к нам.»

Источник: «Устный Сказ Старейшины Иори» (Деревня Кадзэно Хакуба — Рикугами)

Записано со слов умирающего старика, чернила свежие, рука дрожит.

«Мой дед видел знак. Комету. "Это он", — сказал дед. Комета упала. В лес. Мы пошли. Нашли кратер. И камень. Чёрный. Горячий. Мы принесли его в деревню. Он грел. Как печь. Но потом остыл. И стал обычным. Знак был ложным. Или мы не поняли его. Спаситель — это знак. Но мы не умеем читать. Мы неграмотны в языке богов.»

Версия Аматаэрасу:

«Камни светятся. В полнолуние. Говорят: это следы Тэнсея. Я искал их. Нашёл. Они светились. Но холодным светом. Как кости. Свет не грел. Он только освещал могилы. Спаситель — это фонарь. Который показывает, где ты умер.»

Версия Рикугами:

«Знаки везде. В облаках. В трещинах на земле. В узорах на листьях. Мы читали их. Как гороскопы. "Завтра будет спасение". Завтра приходило. И ничего не менялось. Знаки лгали. Или мы читали не то. Спаситель — это шифр. Который никто не может разгадать. Ключ потерян.»

Хокку:

«Камень в руке,
Свет холодный, как кости,
Путь освещает в ад.»

Источник: «Запись Странника» (Без страны)

Кусок пергамента, найденный в кармане трупа, имя стёрто.

«Я прошёл весь мир. В поисках. Спрашивал у каждого: "Где он?". Все показывали в разные стороны. На восток. На запад. На небо. В землю. Я ходил. Пока ноги не отказали. Лежу сейчас. Пишу. Спаситель — это горизонт. Ты идёшь к нему. Но он удаляется. Никогда не приблизится. Я устал. Я остаюсь здесь. Пусть он придёт ко мне. Если сможет.»

Версия Рикугами:

«Странники — это лжецы. Они говорят: "Я видел его". Чтобы получить ночлег. Еду. Тепло. Мы давали. Они брали. И уходили. Спаситель — это бродяга. Который живёт за счёт нашей веры. Мы кормим его. А он кормит нас сказками. Симбиоз. Паразит и хозяин.»

Версия Без страны:

«Я не лгу. Я видел. Тень. Высокую. В горах. Она махнула мне. Я побежал. Но упал. В пропасть. Выжил. Чудом. Тень исчезла. Может, это был не спаситель. Может, смерть. Но смерть не машет. Она забирает. Значит, это был он. Но он не хотел меня брать. Почему? Я не достоин? Или он передумал?»

Хокку:

«Горизонт далёк,
Ноги стёрты в кровь, путь длин,
Он всегда уходит.»

Источник: «Фрагмент Зеркала» (Неизвестное происхождение)

Осколок стекла, на обратной стороне царапины.

«Зеркало показало будущее. Я увидел себя. Старого. Седого. Счастливого. В мире без войны. "Это спаситель?", — спросил я. Зеркало молчало. Потом треснуло. Изображение исчезло. Осталось только моё лицо. Измождённое. Спаситель — это отражение. Того, кем ты хочешь быть. Но не можешь. Зеркало разбилось. И я остался с осколками. Режущими руки.»

Версия Аватэрасу:

«Будущее не существует. Есть только настоящее. Спаситель — это миф о будущем. Чтобы терпеть настоящее. Мы терпели. Годы. Десятилетия. Настоящее стало вечностью. Будущее не наступило. Зеркало лгало. Время не линейно. Оно замкнуто. Мы бежим по кругу. И называем это путём.»

Версия Неизвестное:

«Я разбил все зеркала. В доме. Чтобы не видеть будущего. Только настоящее. Настоящее — это боль. Но это правда. Спаситель — это ложь. Я выбрал боль. Потому что ложь слаще. А я хочу горького. Чтобы помнить. Чтобы не забыть. Кто мы.»

Хокку:

«Зеркало треснуло,
Будущее исчезло в нём,
Только боль реальна.»

Источник: «Последнее Письмо Матери» (Любая страна)
Смятая бумага, следы слёз, кровь на углу.

«Я назвала его в честь спасителя. Надежда. Он умер. В возрасте трёх лет. От голода. Имя не спасло. Не защитило. Не накормило. Спаситель — это имя. Звук. Набор букв. Он не имеет силы. Сила — в еде. В тепле. В любви. Но любви не было. Был только голод. И имя. Которое теперь вырезано на камне. Над могилой. Пустое.»

Версия Рикугами:

«Матери верят больше всех. Потому что им есть что терять. Детей. Спаситель — это ребёнок. Которого они ждут. Но дети умирают. А спаситель не приходит. Матери проклинают небо. Но небо глухое. Они проклинают землю. Но земля немая. Они проклинают себя. И это единственное, что работает. Боль от проклятия заглушает боль от потери.»

Версия Любая страна:

«Я пишу это для него. Для моего сына. Если он выжил. Где-то. Пусть знает: я ждала. Для него. Спаситель — это мать. Которая отдаёт последний кусок. И умирает. Я отдала. Я умираю. Но он не пришёл. Значит, я умерла зря. Или нет? Может, мой кусок хлеба спас кого-то другого? Неважно. Важно, что я верила.»

Хокку:

«Имя на камне,
Ребёнок умер в три года,
Надежда пуста.»

Источник: «Хроника Падения Звёзд» (Астрономы Амата-эрасу)

Звёздная карта, многие звёзды зачёркнуты.

«Звёзды выстраивались в линию. Знак. Мы ждали. Линия разошлась. Знак исчез. Звёзды смеялись над нами. Они движутся. По своим законам. Не по нашим. Мы искали смысл в хаосе. Но хаос не имеет смысла. Спаситель — это созвездие. Которое мы придумали. Соединили точки. И увидели лицо. Но точек нет. Есть только пустота. И свет, который идёт миллионы лет. Чтобы погаснуть на наших глазах.»

Версия Сусаноо:

«Кометы — это посланники. Мы ждали их. Как писем. Они пролетали. Оставляли хвосты. Как подписи. "Мы были здесь". Но не для вас. Для вселенной. Мы — пыль. Спаситель не придёт к пыли. Пыль не заслуживает спасения. Пыль заслуживает забвения. Мы станем пылью. И звёзды даже не

заметят.»

Версия Амаэрасу:

«Астрономы сошли с ума. От наблюдения. Они видели знаки везде. В пятнах на солнце. В затмениях луны. "Конец близко", — кричали они. "Спасение близко". Люди паниковали. Убивали себя. Чтобы не ждать. Астрономы ошибались. Знаков не было. Были только явления. Природа. Без эмоций. Спаситель — это антропоморфизм. Мы приписываем небу человеческие черты. Но небо — камень.»

Хокку:

«Звёзды в линию,

Знак исчез, комета лжёт,

Небо — просто камень.»

Источник: «Отчёт Разведчика» (Сусаноо)

Кожаный свиток, запачкан грязью.

«Я видел лагерь врага. Там молились. Тому же спасителю. Что и мы. У них были такие же амулеты. Такие же свечи. Такие же надежды. Мы убили их. Пока они молились. Они не сопротивлялись. Верили: спаситель защитит. Не защитил. Спаситель — это нейтралитет. Он не выбирает сторону. Он смотрит. Как мы режем друг друга. И записывает. В книгу. Которую никто не прочтёт.»

Версия Чхонгунг:

«Враги — это мы. В другой форме. Они ждут того же. Но называют его иначе. Имя не важно. Важно ожидание. Мы убили ожидание. В них. И в себе. Теперь никто не ждёт.

Только убивают. Спаситель умер. Вместе с ними. Вместе с нами. Мы — могильщики надежды.»

Версия Сусаноо:

«Разведчик не спит. Он видит слишком много. Правды. Спаситель не придёт. Потому что мы не хотим. Мы хотим победы. А не спасения. Спасение — для слабых. Победа — для сильных. Мы хотим быть сильными. Поэтому мы убиваем тех, кто ждёт. Чтобы не чувствовать себя слабыми. Спаситель — это слабость. Мы отвергли её.»

Хокку:

«Враги молились,
Мы убили их в тиши,
Бог не защитил.»

Источник: «Молитва Слепого Монаха» (Рикугами)

Выцарапано на стене храма, буквы глубокие.

«Я молюсь о слепоте. Чтобы не видеть лжи. Спаситель — это видение. А я слеп. Поэтому я верю. Зрячие не верят. Они видят трупы. Я чувствую запах. Но запах можно интерпретировать. Как запах смерти. Или как запах жертвы. Я выбираю жертву. Спаситель — это выбор. Верить или нет. Я выбираю верить. Потому что правда слишком тяжёлая. Для слепых.»

Версия Аматаэрасу:

«Монахи торгуют молитвами. "Одна молитва — один день жизни". Мы платили. Днями. Жизнями. Монахи богатели. Спаситель не приходил. Молитвы улетали в небо. Как дым. Дым рассеивается. Спаситель — это дым. Вдохнул. И

нет. Остался только кашель.»

Версия Рикугами:

«Храм — это убежище. От войны. Но война приходит в храм. Солдаты не уважают святое. Они уважают только силу. Спаситель не защитил храм. Стены рухнули. Иконы сгорели. Монахи умерли. На коленях. В молитве. Спаситель — это поза. На коленях. Удобно для смерти. Неудобно для жизни.»

Хокку:

«Молитва в тиши,
Стены рухнули, храм сгорел,
Бог не слышал.»

Источник: «Запись Наблюдателя» (Непризнанные Земли)
Кусок угля на камне.

«Я наблюдал. За всеми. За верующими. За атеистами. За воинами. За жертвами. Итог один. Смерть. Разница только в том, с какими словами умирали. "Спаситель, приди" или "Проклятье, уйди". Спаситель — это последнее слово. Которое мы говорим. Перед тем как замолчать. Навсегда. Оно не имеет значения. Но мы придаём. Чтобы не молчать. В тишине.»

Версия Без страны:

«Наблюдатель не вмешивается. Он фиксирует. Факты. Спаситель не зафиксирован. В протоколах. Есть только смерти. Даты. Места. Причины. "Убит в бою". "Умер от голода". "Покончил с собой". Спасителя нет. В графе "Причина смерти". Есть только пустота. И мы заполняем её леген-

дами.»

Версия Непризнанные Земли:

«Я устал наблюдать. Я хочу участвовать. Но участие — это смерть. Наблюдение — это жизнь. Но какая жизнь? Жизнь тени. Спаситель — это свет. Который отбрасывает тень. Я — тень. Я жду, когда свет погаснет. Чтобы исчезнуть. Вместе с ним. Это и есть спасение. Для тени.»

Хокку:

«Наблюдатель ждёт,
Фиксирует только смерть,
Спаситель — пустой граф.»

Хокку:

«Шёпот у костра,
"Придёт спаситель" — верят все,
Но чудес не бывает.»

Часть 5: «Природа в агонии»

Источник: «Свиток Чёрного Корня» (Рикугами — Великая Страна)

Хранится в глубинном архиве, чернила выцвели, края обуглены, пахнет горелым кедром и гнилой землёй.

«Земля отказалась рожать. Не из вредности. Из боли. Мы вспахивали поля, но плуги возвращались сухими. Никакой влаги. Никакой жизни. Семена, которые мы сажали, не прорастали. Они лежали в земле и гнили. Как дети. Мы молили землю: "Дай нам хлеб". Земля молчала. Потом она закричала. Трещины пошли не от засухи. От крика. Корни деревьев

уходили глубже. Не за водой. От нас. Они прятались. Деревья чувствовали: если они вырастут, их сожгут. Если они дадут плоды, их отберут. Поэтому они выбрали смерть. Лучше быть пнём, чем кормить убийц. Мы ели кору. Но кора была горькой. Как желчь.»

Версия Амата́расу:

«Небо погасло. Солнце взошло, но не грело. Оно висело, как бледный глаз, наблюдатель, которому всё равно. Свет был, но тепла не было. Тени стали длиннее. Холоднее. Мы думали: это зима. Но календарь говорил: лето. Птицы перестали вить гнёзда. Зачем? Птенцы всё равно умрут от голода. Они садились на ветки и сидели. Ждали конца. Небо не наказывало. Оно просто ушло. Оставило нас в сумерках. Сумерки длились годами. Мы забыли, что такое полдень. Полдень стал легендой.»

Версия Сусаноо:

«Ветер сошёл с ума. Раньше он дул с моря. Приносил соль. Влагу. Жизнь. Теперь он дул с полей битв. Приносил пепел. Костную пыль. Мы открывали окна — внутри становилось серо. Мы закрывали окна — внутри становилось душно. Ветер выл. Не как собака. Как человек, которому ломают кости. Он бил в ставни. Требовал впустить. Мы не впускали. Мы знали: там, снаружи, только смерть. Ветер обиделся. И начал срывать крыши. Не от злости. От отчаяния. Ему тоже было некуда деться.»

Хокку:

«Деревья без листьев,
Реки без воды — пусты,
Земля устала.»

Источник: «Хроника Мёртвой Реки» (Чхонгунг — Великая Страна)

Свиток запечатан воском, печать сломана, пахнет вином, железом и стоячей водой.

«Река Пралайя потекла вспять. Не от магии. От отвращения. Она не хотела нести наши лодки. Не хотела поить наши города. Она развернулась и ушла в горы. Оставила нам русло. Полное рыбьих костей. Рыбы выбросились на берег. Не потому что вода ушла. Потому что вода стала ядом. Они задыхались в жидкости. Мы пытались пить. Но вода жгла горло. Как расплавленное стекло. Мы копали колодцы. Глубоко. Очень глубоко. На глубине ста метров нашли воду. Чистую. Но когда подняли ведро — оно было полным крови. Не нашей. Чужой. Древней. Земля плакала кровью предков.»

Версия Сяньню:

«Цветы перестали пахнуть. Они всё ещё распускались. Иногда. Но запах был другим. Не сладким. Не свежим. Запахом мяса. Начавшего портиться. Мы приходили в сады. Смотрели на розы. Они были красными. Слишком красными. Как свежая рана. Мы нюхали — и нас тошнило. Красота стала уродством. Искусство природы выродилось. Мы срезали цветы. Ставили в вазы. Они не увядали. Они гнили на стебле. Не сохли. Гнили. Как живая плоть. Мы выбрасывали

их. Но запах оставался. В домах. В одежде. В волосах. Мы стали пахнуть смертью.»

Версия Рикугами:

«Леса уходили. Не вырубались. Уходили. Ночью. Мы просыпались — за окном было поле. Вчера был лес. Деревья вырвали корни и ушли. Куда? В горы. В пещеры. Под землю. Они не хотели быть свидетелями. Свидетели погибают первыми. Мы искали их. Нашли опушку. Деревья стояли кругом. Внутрь не пускали. Ветви сплелись в стену. Непроницаемую. Как частокол. Мы стучали. Они молчали. Мы рубили. Топоры ломались. Лес защищался. Не магией. Плотностью. Они стали тверже камня. Чтобы мы не прошли.»

Хокку:

«Река потекла вспять,
Рыбы выбросились на берег,
Вода стала кровью.»

Источник: «Дневник Охотника» (Ханацуки — Средняя Страна)

Страницы вырваны из книги, залиты соком растений, которые теперь мертвы, страницы липкие.

«Звери изменились. Волки перестали бояться огня. Они подходили к кострам. Смотрели. Не нападали. Ждали. Когда мы умрём. Чтобы доесть. Лисы потеряли мех. Они ходили голые. Кожа серая. В язвах. Но они не умирали. Они жили. Страдали. Но жили. Мы стреляли в них. Пули отскакивали. Как от стали. Звери стали бронированными. От боли. Боль

сделала их кожу твёрдой. Мы голодали. Звери тоже. Но они были сильнее. Они знали: мы слабее. Потому что мы люди. Мы сомневаемся. Звери не сомневаются. Они просто хотят есть. Как и мы. Но у них нет совести.»

Версия Касумигахара:

«Туман стал едким. Раньше он скрывал. Теперь он разъедал. Мы выходили утром — лица в ожогах. Одежда в дырах. Туман не белый. Серо-зелёный. Как кислота. Мы прятались в домах. Но туман проникал сквозь стены. Через щели. Через замочные скважины. Он оседал на лёгких. Мы кашляли. Кровью. Зелёной кровью. Туман не рассеивался. Даже днём. Даже при солнце. Солнце не могло его прожечь. Туман стал постоянным. Мы жили внутри облака яда. И привыкли. Это страшнее всего. Привыкнуть к яду.»

Версия Куроганэ:

«Горы трескались. Не от землетрясения. От напряжения. Камень не выдерживал тяжести войны. Мы добывали руду. Но руда текла. Как вода. Железо было жидким. Мы пытались ковать. Но мечи утекали сквозь пальцы. Металл стал живым. И испуганным. Он не хотел быть оружием. Он хотел быть горой. Мы насиловали его. Плавильни горели день и ночь. Но металл сопротивлялся. Он взрывался. Убивал кузнецов. Горы мстили за то, что мы брали у них слишком много. Мы брали силу. Горы забирали жизни. Справедливый обмен.»

Хокку:

«Звери у костра,

Ждут, когда умрём мы,
Совесьть только у нас.»

Источник: «Свиток Увядшего Сада» (Акадзора — Малая Страна)

Обугленная ткань, края крошатся при касании, текст частично уничтожен огнём.

«Сад был нашим богом. Мы молились ему. Каждый день. Поливали. Разговаривали. Но сад умер. Не сразу. Сначала листья пожелтели. Потом опали. Потом ветви почернели. Мы пытались спасти. Приносили воду издалека. Но вода впитывалась и исчезала. Сад пил. Но не насыщался. Он был как человек с дырой в животе. Ешь, ешь — а всё равно голоден. Потом сад закричал. Мы слышали. Не ушами. Кожей. Вибрация. Корни скручивались. Как змеи. В агонии. Мы стояли рядом. Не могли помочь. Плакали. Сад умер. И земля под ним стала стеклянной. Ничего не росло. Только стекло. Острое. Режущее ноги.»

Версия Аокадзе:

«Ветер унёс семена. Все. Мы собирали урожай. Но мешки были лёгкими. Мы открывали — внутри пыль. Семена превратились в пыль. Пока мы несли их. Ветер выдувал жизнь. Не физически. Магически. Он касался зерна — и зерно умирало. Мы пытались спрятать. В подвалы. В амбары. В сундуки. Но ветер находил. Он проходил сквозь дерево. Сквозь камень. Сквозь железо. Он был везде. Ветер стал судьбой. И судьба была против нас. Мы голодали. Потому что ветер

хотел, чтобы мы голодали. Мы не могли спорить с ветром.»

Версия Непризнанные Земли:

«Птицы забыли, как летать. Они ходили по земле. Как курицы. Крылья висели. Бесполезные. Они не пытались взлететь. Они знали: некуда. Небо закрыто. Тучи низкие. Как потолок. Птицы бились о невидимую стену. Падали. Ломали шеи. Но не умирали. Ползали. Кричали. Мы добивали их. Чтобы не мучились. Но их было слишком много. Миллионы. Небо упало на землю. И придавило птиц. Мы ходили по перьям. Как по снегу. Но снег белый. А перья были в крови.»

Хокку:

«Семена стали пылью,
Ветер выдул жизнь из них,
Голод — наш хозяин.»

Источник: «Устный Сказ Старейшины Иори» (Деревня Кадзэно Хакуба — Рикугами)

Записано со слов умирающего старика, чернила свежие, рука дрожит.

«Я помню время, когда трава была зелёной. Настоящей. Не серой. Не чёрной. Зелёной. Как изумруд. Мы ходили босиком. И чувствовали мягкость. Теперь трава режет ноги. Как бритва. Мы надеваем обувь. Но подошвы стираются. Трава хочет крови. Она тянется к нам. Обвивает лодыжки. Душит. Мы косим её. Она вырастает снова. За ночь. Выше. Злее. Она мстит. За то, что мы ходим по ней. За то, что мы топчем. Трава помнит каждый шаг. Каждый след. И она тре-

бует платы. Кровь за шаг. Мы идём — и оставляем красные следы. Трава пьёт. И растёт.»

Версия Амата́расу:

«Луна изменила цвет. Раньше была серебряной. Теперь красная. Как глаз, налитый кровью. Она светит ночью. Но свет не освещает. Он окрашивает. Всё становится красным. Дома. Деревья. Лица. Мы выглядим как демоны. Даже дети. Мы смотрим друг на друга — и видим врагов. Луна сводит с ума. Она шепчет. Ночью. В тишине. Мы слышим. "Убей. Убей. Убей." Мы закрываем уши. Но шёпот внутри. Луна не светит. Она заражает. Свет — это вирус. Мы прячемся днём. Ночью боимся выглянуть в окно. Красный свет проникает сквозь веки. Мы видим кровь даже во сне.»

Версия Сусаноо:

«Гром не прекращается. Уже год. Небо трещит. Но дождя нет. Сухая гроза. Молнии бьют в землю. Поджигают леса. Но огня не видно. Огонь сгорает внутри деревьев. Они стоят чёрные. Но не горят. Просто тлеют изнутри. Как угли. Мы касаемся коры — обжигаемся. Деревья стали печами. Мы не можем использовать их для костра. Они сами по себе огонь. Но холодный огонь. Он не греет. Он жжёт. Мы греемся у тлеющих деревьев. И сгораем заживо. Гром смеётся над нами. Раскаты похожи на хохот.»

Хокку:

«Трава режет ноги,
Луна красная, как глаз,

Гром смеётся в небе.»

Источник: «Запись Странника» (Без страны)

Кусок пергамента, найденный в кармане трупа, имя стёрто, текст написан разными почерками.

«Я видел, как океан отступил. Не отлив. Навсегда. Вода ушла за горизонт. Обнажила дно. Там были города. Древние. Которые утонули до нас. Теперь они снова на суше. Но они мертвы. Камни покрыты слизью. Рыбы лежат на улицах. Высушенные солнцем. Мы ходили по дну океана. Искали воду. Нашли только соль. Белую корку. Толщиной в метр. Мы лизали её. Чтобы утолить жажду. Но соль жгла язык. Океан ушёл, потому что не хотел быть частью этого мира. Он смыл себя. Оставил нам пустоту. Мы стоим на дне. Смотрим вверх. И ждём, когда вода вернётся. Чтобы утопить нас.»

Версия Рикугами:

«Времена года смешались. Зима пришла летом. Снег выпал в июле. Но снег был горячий. Как пепел. Он не таял. Он ложился слоем. Сжигал урожай. Потом пришла весна. Но цветы расцвели чёрные. Потом осень. Но листья не опали. Они сгнили на ветках. И повисли, как тряпки. Календарь бесполезен. Мы не знаем, когда сеять. Когда собирать. Когда прятаться. Природа сошла с ума. Она не понимает себя. Как может она понять нас? Мы для неё — вирус. А вирус не понимает хозяина. Он просто разрушает.»

Версия Без страны:

«Я видел дерево, которое плакало. Не соком. Слезами.

Прозрачными. Густыми. Они текли по коре. Капали на землю. Я попробовал. На вкус — как человеческая слеза. Солёная. Горькая. Дерево страдало. Оно чувствовало боль мира. И плакало. Мы собирали слёзы в бутылки. Пили. Думали: это лекарство. Но слёзы дерева не лечат. Они заражают. Кто пил — начинал плакать. Без причины. День и ночь. Пока не высыхал. Дерево поделилось своей болью. И мы умерли от неё. Сострадание природы смертельно.»

Хокку:

«Океан ушёл,
Дно покрыто солью мёртвой,
Время сошло с ума.»

Источник: «Фрагмент Зеркала» (Неизвестное происхождение)

Осколок стекла, на обратной стороне царапины, текст написан чем-то острым.

«Отражение природы искажено. Мы смотрим в озеро — видим не себя. А свои грехи. Вода показывает не лицо. А поступки. Я смотрел — и видел руки в крови. Хотя руки были чистые. Вода знала. Она помнила. Мы разбили зеркала водоёмов. Камнями. Чтобы не видеть. Но осколки тоже отражали. Каждый кусок — свой грех. Мы ходили по берегу. И наступали на свои преступления. Осколки резали ноги. Кровь смешивалась с водой. И отражение становилось реальнее. Мы утонули в своих отражениях. Природа стала судьёй. И приговор был однозначен.»

Версия Ама­тэ­расу:

«Звёзды падали днём. Не ночью. Днём. Мы видели их. Огненные шары на синем фоне. Они не долетали. Гасли в атмосфере. Оставляли следы. Как шрамы на небе. Небо было исцарапано. Белые линии на синем. Как лицо после побоев. Мы молились звёздам. Чтобы они упали. И уничтожили нас. Но они гасли. Не хотели даже убивать. Они просто умирали. На подлёте. Небо стало кладбищем звёзд. И мы смотрели на него. И завидовали мёртвым звёздам. Они хотя бы сгорели. Мы гнили заживо.»

Версия Неизвестное:

«Гравитация изменилась. Камни падали вверх. Дождь шёл снизу вверх. Капли летели от земли к небу. Мы мокли. Но не от дождя. От земли. Вода поднималась. Как в лифте. Мы стояли под деревьями — и вода капала на нас с корней. Деревья плевали водой. Отвращение. Природа отвергала всё. Даже законы физики. Мы не могли ходить. Нас тянуло в небо. Мы привязывали себя к земле. Цепями. Чтобы не улететь. Но цепи рвались. Мы летали. И падали. Снова. И снова. Мир перевернут. И мы тоже.»

Хокку:

«Звёзды гаснут днём,
Небо в шрамах от огней,
Гравитация лжёт.»

Источник: «Последнее Письмо Матери» (Любая страна)
Смятая бумага, следы слёз, кровь на углу, текст прерыва-

ется в середине.

«Мой сын спросил: "Почему цветы чёрные?". Я не ответила. Что я могла сказать? "Потому что мы плохие"? "Потому что мир умирает"? Он сорвал цветок. И он рассыпался в прах. У него в руках. Ребёнок заплакал. Не от страха. От потери. Он думал, цветок живой. А он был мёртвым с рождения. Мы живём в мире мёртвой природы. Деревья — скелеты. Реки — вены без крови. Небо — шкура без тела. Мы пытаемся оживить. Поливаем. Удобрняем. Молим. Но мёртвое не оживает. Оно только разлагается. И запах разложения — это наш воздух. Я пишу это. И чувствую: мои лёгкие чернеют. Я становлюсь частью природы. Мёртвой.»

Письмо обрывается. Дальше — только пятно крови и отпечаток маленькой ладони.

Источник: «Хроника Падения Звёзд» (Астрономы Аматаэрасу)

Звёздная карта, многие звёзды зачёркнуты, на полях — заметки, написанные в разное время.

«Кометы изменили траекторию. Они не летят по орбитам. Они кружат. Как стервятники. Над полем битвы. Ждут. Когда будет много трупов. Чтобы упасть. И сжечь их. Мы считали: это очищение. Но кометы не сжигают мёртвых. Они сжигают живых. Они целются в города. В деревни. В дома. Мы строили укрытия. Под землёй. Но кометы чувствовали тепло. И били точно. В очаги. В печи. В сердца. Астрономы предупреждали. Но кто слушал? Мы были заняты войной.

Кометы не были врагом. Они были уборщиками. Мир должен был быть чистым. Для кого? Не для нас.»

Версия Сусаноо:

«Метеоритный дождь стал ежедневным. Маленькие камни. Как град. Но горячие. Они пробивали крыши. Убивали детей. Мы не могли выйти наружу. Дни. Недели. Месяцы. Мы сидели в подвалах. Ели запасы. Когда запасы кончились — начали есть друг друга. Метеориты не прекращались. Они стучали по земле. Как барабан. Ритм смерти. Мы привыкли к стуку. Как к сердцебиению. Если стук прекращался — мы паниковали. Значит, что-то хуже готовится. Тишина перед ударом страшнее удара. Мы молили о грохоте. Чтобы знать: конец ещё не пришёл.»

Версия Амата́расу:

«Небо треснуло. Не метафорически. Физически. Щель появилась на востоке. Через неё было видно... ничего. Пустоту. Не чёрную. Белую. Абсолютную. Из щели дуло. Холодом. Абсолютным нулём. Всё, что попадало в поток — замерзало. Мгновенно. Птицы. Камни. Люди. Они становились ледяными статуями. И падали. Разбивались. Мы закрыли щель. Горами тел. Наслоили трупы. Чтобы заткнуть дыру. И это сработало. Тела замерзли. И закупорили щель. Но холод всё равно шёл. Сквозь лёд. Сквозь мясо. Мы живём в холодильнике. И ждём, когда лёд доберётся до сердец.»

Хокку:

«Цветок в руке ребёнка,

Превратился в прах,
Мир мёртв с рождения.»

Источник: «Отчёт Разведчика» (Сусаноо)

Кожаный свиток, запачкан грязью, кровью и чем-то тёмным.

«Лес наблюдал. Я чувствовал взгляды. Сотни глаз. На деревьях. На кустах. На земле. Глаза не мигали. Они следили. За каждым шагом. Я шёл — и глаза поворачивались. Я оставался — и глаза замирали. Лес знал: я враг. Он не нападал. Он ждал. Когда я ошибусь. Когда я устану. Когда я усну. Тогда корни вылезут. И обвивут ноги. И утащат вниз. В землю. Я не спал три дня. Глаза не давали. Они светились в темноте. Как фонари. Я вышел из леса. Но ощущение осталось. Даже в городе. Я смотрю на цветы в вазе — и вижу глаза. Природа везде. И она помнит.»

Версия Чхонгунг:

«Вода запомнила лица. Мы умывались — и вода показывала отражения. Но не наши. А тех, кого мы убили. Лица всплывали на поверхности. Как масляная плёнка. Мы закрывали глаза. Но видели сквозь веки. Вода была везде. В кувшинах. В бочках. В наших телах. Мы пили — и пили своих врагов. Они текли по горлу. В желудок. В кровь. Мы стали могилами для тех, кого убили. Вода связала нас. Круговорот смерти. Мы не можем избавиться от воды. Значит, не можем избавиться от мёртвых. Они внутри. Навсегда.»

Версия Сусаноо:

«Разведчик не спит. Он видит слишком много. Правды. Природа не прощает. Она записывает. Каждое дерево — свидетель. Каждый камень — протокол. Мы думаем: срубим дерево — и свидетель исчезнет. Но пень помнит. Корни помнят. Земля помнит. Мы не можем уничтожить память мира. Мы можем только уничтожить себя. Но память останется. И передастся новым деревьям. Новым камням. Они расскажут следующим. Что мы сделали. И они будут судить. Не люди. Природа. И её суд страшен.»

Хокку:

«Глаза на коре,
Лес наблюдает за мной,
Память в каждом корне.»

Источник: «Молитва Слепого Монаха» (Рикугами)

Выцарапано на стене храма, буквы глубокие, некоторые слова стёрты временем.

«Я не вижу природы. Но я чувствую её боль. Она кричит. Без звука. Вибрацией. Через подошвы. Через кости. Через зубы. Природа в агонии. Она хочет умереть. Но не может. Потому что мы не даём. Мы держим её за горло. И требуем: "Живи. Корми нас. Грей нас." Но она мертва. Мы требуем от трупа. И удивляемся: почему нет плода? Почему нет тепла? Монахи молятся о дожде. Но дождь — это слёзы. А слёз больше нет. Выплакали. Осталась только сухая пыль. И молитвы. Пустые. Как наши руки.»

Версия Амата́расу:

«Храм — это не убежище. Это ловушка. Стены сделаны из дерева. Дерево помнит. Оно скрипит ночами. Как кости. Мы молимся — и дерево слушает. Оно передаёт молитвы земле. Но земля не отвечает. Она глухая. Мы бьёмся головами об пол. Кровь течёт. Дерево впитывает. И становится красным. Храмы покраснели. От нашей крови. Но боги не пришли. Пришли только насекомые. Они ели дерево. И кровь. И нас. Храмы стали ульями. Для ос. Для муравьёв. Для паразитов. Мы молились паразитам. И они слышали.»

Версия Рикугами:

«Я ослеп. От вида природы. Когда я ещё видел — я сошёл с ума. Зелёного не было. Только серое. Чёрное. Красное. Цвета смерти. Я попросил богов: "Забери зрение". Они забрали. Теперь я в темноте. Но темнота лучше. Чем вид мёртвого мира. Я слышу. Как деревья падают. Без ветра. Самопроизвольно. Они сдаются. Не хотят стоять. Ложатся. И гниют. Я слышу запах. Гниение — это музыка природы. Сейчас. Симфония распада. И я — дирижёр. Потому что я начал это. Люди начали. И мы слушаем. До конца.»

Хокку:

«Храм покраснел от крови,
Боги не пришли,
Только насекомые слышат.»

Источник: «Запись Наблюдателя» (Непризнанные Земли)
Кусок угля на камне, текст частично стёрт дождём.
«Они говорят о конце света. Но конец света — это не

взрыв. Это увядание. Когда лист падает. И не вырастает новый. Когда река сохнет. И не течёт снова. Когда животное умирает. И не рождается детёныш. Мы близки к этому. Я вижу: жизнь прекращается. Не от войны. От усталости. Мир устал быть живым. Он хочет покоя. Вечного покоя. И мы мешаем. Своим дыханием. Своими шагами. Своими сердцами. Мы — шум. В тишине смерти. Природа хочет тишины. И она убивает шум. Нас. Но мы громкие. Мы кричим. И природа затыкает уши. Лавой. Водой. Ветром. Чтобы стало тихо.»

Версия Без страны:

«Наблюдатель не вмешивается. Он фиксирует. Факты. Природа умирает. Температура падает. Растения чернеют. Животные мутируют. Это не катастрофа. Это эволюция. Обратная. Деграция. Мир возвращается в хаос. В небытие. До начала. До первого вдоха. Мы — ошибка. В программе природы. И природа исправляет ошибку. Удаляет нас. Как вирус. Я фиксирую. Но я тоже вирус. Значит, я тоже буду удалён. Скоро. Я пишу это. Чтобы кто-то знал. Но кто прочтёт? Пепел. Ветер сотрёт. И это правильно. Чистка должна быть полной.»

Версия Непризнанные Земли:

«Я устал наблюдать. Я хочу участвовать. Но участие — это смерть. Наблюдение — это жизнь. Но какая жизнь? Жизнь тени. Природа — это свет. Который гаснет. Я жду, когда свет погаснет. Чтобы исчезнуть. Вместе с ним. Это и есть спасение. Для тени. Агония природы — это мои родовые схватки.

Я рожаясь из её смерти. Как гриб из трупа. Как червь из раны. Я — симптом. И я пишу об этом. Симптомы не лечат. Они констатируют. Болезнь неизлечима. Пациент мёртв. Мы просто ещё не остыли.»

Хокку:

«Лист упал — не вырос,
Мир устал быть живым,
Мы — шум в тишине.»

Хокку:

«Деревья без листьев,
Реки без воды — пусты,
Земля устала.»

Часть 6: «Духовные искания»

Источник: «Свиток Пустых Алтарей» (Рикугами — Великая Страна)

Хранится в глубинном архиве, чернила выцвели, края обуглены, пахнет ладаном и гнилью.

«Храмы стояли полные. Люди молились. Но боги не отвечали. Жрецы говорили: "Они испытывают нас". Мы испытывали себя. Голодали. Бичевали себя. Кровь текла по ступеням. Но небо молчало. Тогда жрецы сказали: "Боги ушли". Мы спросили: "Куда?". Они ответили: "В земли, где нет войны". Но войны были везде. Значит, богов не было. Или они трусы. Мы продолжали молиться. Из привычки. Из страха. Пустой алтарь лучше, чем никакого. Пустота даёт надежду. Правда убивает.»

Источник: «Трактат Угасшего Света» (Аматэрасу — Великая Страна)

Страницы вырваны, текст прерывистый, написан кистью на рисовой бумаге, пятна туши похожи на слёзы.

«Мы молились Солнцу. Оно взошло. Но не согрело. Свет был мёртвым. Холодным. Как глаз рыбы. Жрецы говорили: "Тьма внутри вас. Очиститесь". Мы очищались. Выжигали глаза, чтобы не видеть греха. Но тьма осталась. Внутри. Свет не мог проникнуть туда. Потому что там не было места. Только пустота. Мы построили башни. Высокие. Чтобы быть ближе к небу. Молния ударила в самую высокую. Сожгла башню. Убила жрецов. Небо сказала: "Не лезьте". Мы послушались. Но молиться не перестали. Страх сильнее разума.»

Источник: «Железная Песнь Тишины» (Сусаноо — Великая Страна)

Высечена на камне, буквы стёрты ветром и песком, края окровавлены.

«Мы молились Грому. Он гремел. Но не приносил дождя. Сухая гроза. Сжигала поля. Мы приносили жертвы. Меч. Коня. Человека. Гром принимал. Но не благодарил. Он просто брал. И уходил. Жрецы говорили: "Ему нужно больше". Мы давали. Пока не остались одни. Без оружия. Без лошадей. Без людей. Гром умолк. Не потому что насытился. Потому что ему стало скучно. Боги войны любят кровь. Но не любят скуку. Мы стали скучными. И нас бросили.»

Источник: «Хроника Разбитых Скрижалей» (Чхонгунг — Великая Страна)

Свиток запечатан воском, печать сломана, пахнет вином, железом и старой землёй.

«Предки молчали. Мы стучали в камни. Звали по именам. Но имена стёрлись. Ветер сдул пыль с могил. Мы забыли, кто лежит под нами. Жрецы говорили: "Копайте глубже. Найдите кости". Мы копали. Нашли кости. Но они не говорили. Они просто лежали. Белые. Мёртвые. Как и мы. Мы поняли: предки не ушли. Они умерли. Навсегда. И нет жизни после. Только земля. Которая ест нас. Мы перестали стучать. Камни не любят, когда их будят. Они мстят. Землетрясения.»

Источник: «Мраморный Шёпот Духов» (Сяньню — Великая Страна)

Ткань истлела, текст почти не читается, сохранён в стекле, пахнет лавандой и гнилью.

«Духи природы ушли. Леса молчали. Реки не пели. Ветер не шептал. Мы спрашивали деревья: "Где они?". Деревья скрипели. Но не отвечали. Жрецы говорили: "Вы оскорбили духов". Мы извинялись. Дарили цветы. Поливали корни вином. Но деревья сохли. Духи не простили. Или их не было. Может, духи — это просто шум листьев. А когда листья опали — шум исчез. Мы остались в тишине. Тишина страшнее гнева. Гнев — это эмоция. Тишина — это отсутствие. Мы стали невидимыми для мира.»

Источник: «Дневник Увядшего Цветка» (Ханацуки —

Средняя Страна)

Страницы вырваны из книги, залиты соком растений, которые теперь мертвы.

«Мы молились через цветы. Каждый лепесток — слово. Каждая пыльца — молитва. Но цветы вяли. Не распускались. Жрецы говорили: "Почва отравлена грехом". Мы меняли почву. Приносили землю из других земель. Но цветы вяли. Даже там, где не было войны. Даже там, где была тишина. Мы поняли: дело не в почве. Дело во времени. Время цветения прошло. Наступило время гниения. Мы пытались сохранить бутон. Запечатывали в воск. Но он чернел. Внутри. Жизнь нельзя законсервировать. Она требует движения. А мир остановился.»

Источник: «Записки Туманного Жреца» (Касумигахара — Средняя Страна)

Бумага сырая, буквы расплылись, будто писали под дождём.

«Туман скрывал богов. Или не пускал их. Мы жили в мгле. Ждали просвета. Но просвета не было. Жрецы говорили: "Бог в тумане. Нужно войти". Мы входили. И терялись. Возвращались не все. Те, кто вернулся, говорили: "Там ничего нет". Только белая пустота. Но жрецы сказали: "Вы не достойны". И послали снова. Мы ходили кругами. В тумане нет верха. Нет низа. Нет пути. Мы умирали в шаге от храма. Но не находили дверь. Туман — это лабиринт. Без центра. Без выхода. Боги любят прятаться. Или их нет. И туман — это

просто погода.»

Источник: «Скрижаль Расплавленных Идолов» (Куроганэ — Средняя Страна)

Выгравировано на листе железа, покрытом ржавчиной.

«Мы ковали богов. Из металла. Золота. Стали. Они стояли в храмах. Величественные. Но они не двигались. Не говорили. Не моргали. Жрецы говорили: "В них нужна душа". Мы пытались вложить душу. Кровью. Жертвами. Но металл оставался холодным. Тогда мы решили: боги должны быть прочными. Чтобы выжить в войне. Мы сделали их из стали. Но сталь ржавела. От дождя. От крови. От времени. Идолы падали. Разбивались. Внутри была пустота. Никакой души. Только металл. Мы молились железу. И оно ржавело вместе с нами.»

Источник: «Свиток Крика в Пустоту» (Акадзора — Малая Страна)

Обугленная ткань, края крошатся при касании.

«Мы кричали. Громко. Чтобы небо услышало. Но небо глухое. Звук уходил вверх. И не возвращался. Эхо не было. Потому что не было стен. Только пустота. Жрецы говорили: "Кричите сильнее". Мы срывали голоса. Кровь шла из горла. Но небо молчало. Тогда мы поняли: звук не долетает. Слишком далеко. Или слишком тихо. Мы построили барабаны. Били в них. До крови в руках. Но ритм не достигал небес. Он оставался на земле. И пугал только нас. Мы кричали в пустоту. И пустота кричала в ответ. Нашим же голосом.»

Источник: «Песнь Потерянных Имен» (Аокадзе — Малая Страна)

Нацарапано на стене пещеры, буквы неровные.

«Мы забыли имена богов. Сначала одного. Потом двух. Потом всех. Жрецы говорили: "Имена — это ключи". Но ключи потеряны. Мы пытались вспомнить. Придумывали новые. Но новые не работали. Боги не отзывались на выдумки. Они знали свои имена. А мы забыли. Ветер унёс звуки. Остались только буквы. Мёртвые. На камне. Мы читали их. Но смысла не было. Как читать книгу на мёртвом языке. Мы стали немymi. Для богов. И они стали немymi. Для нас. Взаимное игнорирование. Худшая форма смерти.»

Источник: «Устный Сказ Старейшины Иори» (Деревня Кадзэно Хакуба — Рикугами)

Записано со слов умирающего старика, чернила свежие, рука дрожит.

«Я был жрецом. Долго. Я видел, как умирает вера. Не сразу. Сначала сомнения. Потом вопросы. Потом молчание. Люди приходили в храм. Не молиться. Греться. У огня. Они не смотрели на статую. Они смотрели на огонь. Потому что огонь давал тепло. А статуя — нет. Я понял: боги проиграли конкуренцию огню. Огонь реален. Боги — нет. Когда дрова кончились — люди ушли. В лес. Искать дрова. Не богов. Я остался один. В храме. Со статуей. Мы смотрели друг на друга. Два пустых места. И я ушёл. Потому что холоднее всего было внутри.»

Источник: «Запись Странника» (Без страны)

Кусок пергамента, найденный в кармане трупа, имя стёрто.

«Я прошёл все храмы. Пять великих. Пятнадцать средних. Тридцать малых. Везде одно и то же. Пустые алтари. Холодный пепел. Жрецы, которые воруют жертвоприношения. Они говорят: "Для богов". Но боги не едят. Жрецы едят. Я видел ребёнка, который молился куску хлеба. Не богу. Хлебу. И хлеб ответил. Он накормил. Бог не накормил. Ребёнок выжил. Бог умер. Мы молимся тем, кто может спасти. А те, кто может — не требуют молитв. Те, кто требует — не могут. Мы выбрали не тех.»

Источник: «Фрагмент Зеркала» (Неизвестное происхождение)

Осколок стекла, на обратной стороне царапины.

«Зеркало показывало бога. Внутри меня. Я смотрел. И видел пустоту. Жрецы говорили: "Бог в сердце". Я искал. Нашёл только боль. Боль — это не бог. Это симптом. Я разбил зеркало. Осколки порезали лицо. Кровь текла. И в крови я увидел отражение. Не бога. Себя. Уставшего. Грязного. Живого. Я понял: бог — это мы. Но мы слабые боги. Мы не можем спасти себя. Мы можем только убить друг друга. И молиться над трупами. Зеркало лгало. Бога нет. Есть только мы. И наша слабость.»

Источник: «Последнее Письмо Жреца» (Любая страна)

Смятая бумага, следы слёз, кровь на углу.

«Я служил всю жизнь. Молился. Постился. Верил. Но в конце — ничего. Только страх смерти. Бог не пришёл. Проводить меня. Я умираю один. В темноте. Холоде. Мои молитвы не согрели. Не спасли. Они были словами. Ветром. Я пишу это, чтобы предупредить. Не верьте. Вера — это костыль. Когда нога здорова — он не нужен. Когда сломана — он не держит. Я сломан. Костыль лежит рядом. Беспольный. Простите меня. За ложь. Я лгал вам. Чтобы вы не боялись. Но теперь я тоже боюсь. И ложь не помогает.»

Источник: «Хроника Падения Звёзд» (Астрономы Амата-эрасу)

Звёздная карта, многие звёзды зачёркнуты.

«Звёзды — это глаза богов. Они смотрят. Но не моргают. Не вмешиваются. Мы искали знаки. Кометы. Затмения. Но знаки были случайными. Звёзды двигались по законам. Не по воле. Жрецы говорили: "Это судьба". Но судьба — это математика. Не магия. Мы хотели чуда. Получили формулу. Формула не спасает. Она только предсказывает конец. Мы знали, когда умрём. Но не знали, зачем. Звёзды молчали. Они слишком далеко. Чтобы слышать крики муравьёв.»

Источник: «Отчёт Разведчика» (Сусаноо)

Кожанный свиток, запачкан грязью.

«Я видел вражеский лагерь. Там молились. Тем же богам. Что и мы. Перед боем. Обе стороны просили победы. Бог не мог дать обеим. Значит, он не слышал. Или ему всё равно. Мы убили их. Пока они молились. Их боги не защитили.

Наши не помогли. Победила сталь. Не вера. После боя мы молились над трупами. За упокой. Но тела уже воняли. Бог не принял вонь. Он отвернулся. Мы остались с трупами. И с тишиной. Вера закончилась там, где началась кровь.»

Источник: «Молитва Слепого Монаха» (Рикугами)

Выцарапано на стене храма, буквы глубокие.

«Я не вижу храмов. Но я чувствую пыль. Она везде. На алтарях. На руках. В лёгких. Пыль — это прах богов. Они рассыпались. Мы вдохнули их. И стали прахом. Жрецы говорили: "Дух свят". Но дух не пахнет. Пыль пахнет. Гнилью. Старостью. Я молюсь пыли. Потому что она реальна. Она остаётся. Когда всё исчезает. Пыль — это единственный вечный бог. Мы вернёмся в неё. И станем едины. С богами. С врагами. С собой. Пыль не различает. Она принимает всех. Это единственная милость.»

Источник: «Запись Наблюдателя» (Непризнанные Земли)
Кусок угля на камне.

«Они говорят о душе. Но где она? Я вскрывал тела. После смерти. Искал душу. Нашёл органы. Кишки. Кости. Кровь. Души не было. Она не весит ничего. Не занимает места. Может, она улетает? Но куда? В небо? Там пусто. В землю? Там черви. Душа — это выдумка. Чтобы не бояться конца. Но конец реален. Он здесь. В остановке сердца. В охлаждении тела. Никакой мистики. Только биология. Мы ищем смысл там, где есть только функция. Функция остановилась. И мы испугались.»

Источник: «Дневник Генерала К.» (Страна неизвестна, имя стёрто)

Кожаный переплёт, страницы вырваны.

«День 100. Мы молились перед боем. Бог не ответил. Мы пошли в атаку. Убили тысячу. Вернулись. Молились за упокой. Бог не ответил. Я понял: он глухой. Или занят. У него много войн. На разных землях. Мы не единственные. Мы просто очередные. Статистика. Для богов мы — цифры. Не души. Цифры не молятся. Цифры складывают. Мы сложились в минус. Смерть. Бог поставил галочку. И забыл. Я не хочу быть цифрой. Но у меня нет выбора. Молитва не меняет статус.»

Источник: «Песнь Мёртвых Жрецов» (Хор призраков, записано медиумом)

Транскрипция сеанса, чернила высохли.

«Мы служили лжи. Мы знали. Но продолжали. Потому что правда убивает. Ложь кормит. Мы ели хлеб веры. Пили вино надежды. Но это было вино из крови. Крови тех, кто верил. Мы предали их. Ради комфорта. Ради тепла в храме. Теперь мы призраки. И нам холодно. Храмы разрушены. Алтари разбиты. Нам некуда идти. Мы стучимся в двери. Но живые не пускают. Они знают. Мы — обманщики. Даже после смерти. Мы просим молитвы. Но молитвы не идут к нам. Они идут в пустоту. Как и при жизни. Ничего не изменилось.»

Хокку:

«Храмы без богов,
Свитки пусты, руны молчат,
Вера — тень на стене.»

Часть 6: «Духовные искания»

Источник: «Свиток Пустых Алтарей» (Рикугами — Великая Страна)

Хранится в глубинном архиве, чернила выцвели, края обуглены, пахнет ладаном и гнилью.

«Храмы стояли полные. Люди молились. Но боги не отвечали. Жрецы говорили: "Они испытывают нас". Мы испытывали себя. Голодали. Бичевали себя. Кровь текла по ступеням. Но небо молчало. Тогда жрецы сказали: "Боги ушли". Мы спросили: "Куда?". Они ответили: "В земли, где нет войны". Но войны были везде. Значит, богов не было. Или они трусы. Мы продолжали молиться. Из привычки. Из страха. Пустой алтарь лучше, чем никакого. Пустота даёт надежду. Правда убивает.»

Источник: «Трактат Угасшего Света» (Аматэрасу — Великая Страна)

Страницы вырваны, текст прерывистый, написан кистью на рисовой бумаге, пятна туши похожи на слёзы.

«Мы молились Солнцу. Оно взошло. Но не согрело. Свет был мёртвым. Холодным. Как глаз рыбы. Жрецы говорили: "Тьма внутри вас. Очиститесь". Мы очищались. Выжигали глаза, чтобы не видеть греха. Но тьма осталась. Внутри. Свет не мог проникнуть туда. Потому что там не было ме-

ста. Только пустота. Мы построили башни. Высокие. Чтобы быть ближе к небу. Молния ударила в самую высокую. Сожгла башню. Убила жрецов. Небо сказала: "Не лезьте". Мы послушались. Но молиться не перестали. Страх сильнее разума.»

Источник: «Железная Песнь Тишины» (Сусаноо — Великая Страна)

Высечена на камне, буквы стёрты ветром и песком, края окровавлены.

«Мы молились Грому. Он гремел. Но не приносил дождя. Сухая гроза. Сжигала поля. Мы приносили жертвы. Меч. Коя. Человека. Гром принимал. Но не благодарил. Он просто брал. И уходил. Жрецы говорили: "Ему нужно больше". Мы давали. Пока не остались одни. Без оружия. Без лошадей. Без людей. Гром умолк. Не потому что насытился. Потому что ему стало скучно. Боги войны любят кровь. Но не любят скуку. Мы стали скучными. И нас бросили.»

Источник: «Хроника Разбитых Скрижалей» (Чхонгунг — Великая Страна)

Свиток запечатан воском, печать сломана, пахнет вином, железом и старой землёй.

«Предки молчали. Мы стучали в камни. Звали по именам. Но имена стёрлись. Ветер сдул пыль с могил. Мы забыли, кто лежит под нами. Жрецы говорили: "Копайте глубже. Найдите кости". Мы копали. Нашли кости. Но они не говорили. Они просто лежали. Белые. Мёртвые. Как и мы. Мы поняли:

предки не ушли. Они умерли. Навсегда. И нет жизни после. Только земля. Которая ест нас. Мы перестали стучать. Камни не любят, когда их будят. Они мстят. Землетрясениями.»

Источник: «Мраморный Шёпот Духов» (Сяньню — Великая Страна)

Ткань истлела, текст почти не читается, сохранён в стекле, пахнет лавандой и гнилью.

«Духи природы ушли. Леса молчали. Реки не пели. Ветер не шептал. Мы спрашивали деревья: "Где они?". Деревья скрипели. Но не отвечали. Жрецы говорили: "Вы оскорбили духов". Мы извинялись. Дарили цветы. Поливали корни вином. Но деревья сохли. Духи не простили. Или их не было. Может, духи — это просто шум листьев. А когда листья опали — шум исчез. Мы остались в тишине. Тишина страшнее гнева. Гнев — это эмоция. Тишина — это отсутствие. Мы стали невидимыми для мира.»

Источник: «Дневник Увядшего Цветка» (Ханацуки — Средняя Страна)

Страницы вырваны из книги, залиты соком растений, которые теперь мертвы.

«Мы молились через цветы. Каждый лепесток — слово. Каждая пыльца — молитва. Но цветы вяли. Не распускались. Жрецы говорили: "Почва отравлена грехом". Мы меняли почву. Приносили землю из других земель. Но цветы вяли. Даже там, где не было войны. Даже там, где была тишина. Мы поняли: дело не в почве. Дело во времени. Время

цветения прошло. Наступило время гниения. Мы пытались сохранить бутон. Запечатывали в воск. Но он чернел. Внутри. Жизнь нельзя законсервировать. Она требует движения. А мир остановился.»

Источник: «Записки Туманного Жреца» (Касумигахара — Средняя Страна)

Бумага сырая, буквы расплылись, будто писали под дождём.

«Туман скрывал богов. Или не пускал их. Мы жили в мгле. Ждали просвета. Но просвета не было. Жрецы говорили: "Бог в тумане. Нужно войти". Мы входили. И терялись. Возвращались не все. Те, кто вернулся, говорили: "Там ничего нет". Только белая пустота. Но жрецы сказали: "Вы не достойны". И послали снова. Мы ходили кругами. В тумане нет верха. Нет низа. Нет пути. Мы умирали в шаге от храма. Но не находили дверь. Туман — это лабиринт. Без центра. Без выхода. Боги любят прятаться. Или их нет. И туман — это просто погода.»

Источник: «Скрижаль Расплавленных Идолов» (Куроганэ — Средняя Страна)

Выгравировано на листе железа, покрытом ржавчиной.

«Мы ковали богов. Из металла. Золота. Стали. Они стояли в храмах. Величественные. Но они не двигались. Не говорили. Не моргали. Жрецы говорили: "В них нужна душа". Мы пытались вложить душу. Кровью. Жертвами. Но металл оставался холодным. Тогда мы решили: боги должны быть

прочными. Чтобы выжить в войне. Мы сделали их из стали. Но сталь ржавела. От дождя. От крови. От времени. Идолы падали. Разбивались. Внутри была пустота. Никакой души. Только металл. Мы молились железу. И оно ржавело вместе с нами.»

Источник: «Свиток Крика в Пустоту» (Акадзора — Малая Страна)

Обугленная ткань, края крошатся при касании.

«Мы кричали. Громко. Чтобы небо слышало. Но небо глухое. Звук уходил вверх. И не возвращался. Эхо не было. Потому что не было стен. Только пустота. Жрецы говорили: "Кричите сильнее". Мы срывали голоса. Кровь шла из горла. Но небо молчало. Тогда мы поняли: звук не долетает. Слишком далеко. Или слишком тихо. Мы построили барабаны. Били в них. До крови в руках. Но ритм не достигал небес. Он оставался на земле. И пугал только нас. Мы кричали в пустоту. И пустота кричала в ответ. Нашим же голосом.»

Источник: «Песнь Потерянных Имен» (Аокадзе — Малая Страна)

Нацарапано на стене пещеры, буквы неровные.

«Мы забыли имена богов. Сначала одного. Потом двух. Потом всех. Жрецы говорили: "Имена — это ключи". Но ключи потеряны. Мы пытались вспомнить. Придумывали новые. Но новые не работали. Боги не отзывались на выдумки. Они знали свои имена. А мы забыли. Ветер унёс звуки. Остались только буквы. Мёртвые. На камне. Мы читали их.

Но смысла не было. Как читать книгу на мёртвом языке. Мы стали немыми. Для богов. И они стали немыми. Для нас. Взаимное игнорирование. Худшая форма смерти.»

Источник: «Устный Сказ Старейшины Иори» (Деревня Кадзэно Хакуба — Рикугами)

Записано со слов умирающего старика, чернила свежие, рука дрожит.

«Я был жрецом. Долго. Я видел, как умирает вера. Не сразу. Сначала сомнения. Потом вопросы. Потом молчание. Люди приходили в храм. Не молиться. Греться. У огня. Они не смотрели на статую. Они смотрели на огонь. Потому что огонь давал тепло. А статуя — нет. Я понял: боги проиграли конкуренцию огню. Огонь реален. Боги — нет. Когда дрова кончились — люди ушли. В лес. Искать дрова. Не богов. Я остался один. В храме. Со статуей. Мы смотрели друг на друга. Два пустых места. И я ушёл. Потому что холоднее всего было внутри.»

Источник: «Запись Странника» (Без страны)

Кусок пергамента, найденный в кармане трупа, имя стёрто.

«Я прошёл все храмы. Пять великих. Пятнадцать средних. Тридцать малых. Везде одно и то же. Пустые алтари. Холодный пепел. Жрецы, которые воруют жертвования. Они говорят: "Для богов". Но боги не едят. Жрецы едят. Я видел ребёнка, который молился куску хлеба. Не богу. Хлебу. И хлеб ответил. Он накормил. Бог не накормил. Ребёнок

выжил. Бог умер. Мы молимся тем, кто может спасти. А те, кто может — не требуют молитв. Те, кто требует — не могут. Мы выбрали не тех.»

Источник: «Фрагмент Зеркала» (Неизвестное происхождение)

Осколок стекла, на обратной стороне царапины.

«Зеркало показывало бога. Внутри меня. Я смотрел. И видел пустоту. Жрецы говорили: "Бог в сердце". Я искал. Нашёл только боль. Боль — это не бог. Это симптом. Я разбил зеркало. Осколки порезали лицо. Кровь текла. И в крови я увидел отражение. Не бога. Себя. Уставшего. Грязного. Живого. Я понял: бог — это мы. Но мы слабые боги. Мы не можем спасти себя. Мы можем только убить друг друга. И молиться над трупами. Зеркало лгало. Бога нет. Есть только мы. И наша слабость.»

Источник: «Последнее Письмо Жреца» (Любая страна)

Смятая бумага, следы слёз, кровь на углу.

«Я служил всю жизнь. Молился. Постился. Верил. Но в конце — ничего. Только страх смерти. Бог не пришёл. Проводить меня. Я умираю один. В темноте. Холоде. Мои молитвы не согрели. Не спасли. Они были словами. Ветром. Я пишу это, чтобы предупредить. Не верьте. Вера — это костыль. Когда нога здорова — он не нужен. Когда сломана — он не держит. Я сломан. Костыль лежит рядом. Беспольный. Простите меня. За ложь. Я лгал вам. Чтобы вы не боялись. Но теперь я тоже боюсь. И ложь не помогает.»

Источник: «Хроника Падения Звёзд» (Астрономы Ама-эрасу)

Звёздная карта, многие звёзды зачёркнуты.

«Звёзды — это глаза богов. Они смотрят. Но не моргают. Не вмешиваются. Мы искали знаки. Кометы. Затмения. Но знаки были случайными. Звёзды двигались по законам. Не по воле. Жрецы говорили: "Это судьба". Но судьба — это математика. Не магия. Мы хотели чуда. Получили формулу. Формула не спасает. Она только предсказывает конец. Мы знали, когда умрём. Но не знали, зачем. Звёзды молчали. Они слишком далеко. Чтобы слышать крики муравьёв.»

Источник: «Отчёт Разведчика» (Сусаноо)

Кожанный свиток, запачкан грязью.

«Я видел вражеский лагерь. Там молились. Тем же богам. Что и мы. Перед боем. Обе стороны просили победы. Бог не мог дать обеим. Значит, он не слышал. Или ему всё равно. Мы убили их. Пока они молились. Их боги не защитили. Наши не помогли. Победила сталь. Не вера. После боя мы молились над трупами. За упокой. Но тела уже воняли. Бог не принял вонь. Он отвернулся. Мы остались с трупами. И с тишиной. Вера закончилась там, где началась кровь.»

Источник: «Молитва Слепого Монаха» (Рикугами)

Выцарапано на стене храма, буквы глубокие.

«Я не вижу храмов. Но я чувствую пыль. Она везде. На алтарях. На руках. В лёгких. Пыль — это прах богов. Они рассыпались. Мы вдохнули их. И стали прахом. Жрецы го-

ворили: "Дух свят". Но дух не пахнет. Пыль пахнет. Гнилью. Старостью. Я молюсь пыли. Потому что она реальна. Она остаётся. Когда всё исчезает. Пыль — это единственный вечный бог. Мы вернёмся в неё. И станем едины. С богами. С врагами. С собой. Пыль не различает. Она принимает всех. Это единственная милость.»

Источник: «Запись Наблюдателя» (Непризнанные Земли)

Кусок угля на камне.

«Они говорят о душе. Но где она? Я вскрывал тела. После смерти. Искал душу. Нашёл органы. Кишки. Кости. Кровь. Души не было. Она не весит ничего. Не занимает места. Может, она улетает? Но куда? В небо? Там пусто. В землю? Там черви. Душа — это выдумка. Чтобы не бояться конца. Но конец реален. Он здесь. В остановке сердца. В охлаждении тела. Никакой мистики. Только биология. Мы ищем смысл там, где есть только функция. Функция остановилась. И мы испугались.»

Источник: «Дневник Генерала К.» (Страна неизвестна, имя стёрто)

Кожаный переплёт, страницы вырваны.

«День 100. Мы молились перед боем. Бог не ответил. Мы пошли в атаку. Убили тысячу. Вернулись. Молились за упокой. Бог не ответил. Я понял: он глухой. Или занят. У него много войн. На разных землях. Мы не единственные. Мы просто очередные. Статистика. Для богов мы — цифры. Не души. Цифры не молятся. Цифры складывают. Мы сложи-

лись в минус. Смерть. Бог поставил галочку. И забыл. Я не хочу быть цифрой. Но у меня нет выбора. Молитва не меняет статус.»

Источник: «Песнь Мёртвых Жрецов» (Хор призраков, записано медиумом)

Транскрипция сеанса, чернила высохли.

«Мы служили лжи. Мы знали. Но продолжали. Потому что правда убивает. Ложь кормит. Мы ели хлеб веры. Пили вино надежды. Но это было вино из крови. Крови тех, кто верил. Мы предали их. Ради комфорта. Ради тепла в храме. Теперь мы призраки. И нам холодно. Храмы разрушены. Алтари разбиты. Нам некуда идти. Мы стучимся в двери. Но живые не пускают. Они знают. Мы — обманщики. Даже после смерти. Мы просим молитвы. Но молитвы не идут к нам. Они идут в пустоту. Как и при жизни. Ничего не изменилось.»

Хокку:

«Храмы без богов,
Свитки пусты, руны молчат,
Вера — тень на стене.»

Часть 7: «Разрушение знаний»

Источник: «Скрижаль Разбитого Камня» (Рикугами — Великая Страна)

Высечено на базальте, найдено в руинах подземного архива, поверхность покрыта копотью.

«Мы хранили историю в камне. Думали: огонь не возьмёт

камень. Ошиблись. Огонь не жёг камни. Он жёг тех, кто их читал. Солдаты приходили в пещеры. Не за знаниями. За инструментами. Резцы использовали как кинжалы. Скрижали — как щиты. Когда щит ломался, его бросали. Тысячи лет истории превратились в мостовую. Мы ходили по лицам своих предков. Не замечали. Камень молчал. Но пыль от него холодила ноги. Знание стало тяжёлым. Слишком тяжёлым для бегства. Поэтому мы оставили его. Чтобы бежать легче. Без памяти ноги бегут быстрее.»

Источник: «Трактат Сожжённого Света» (Аматэрасу — Великая Страна)

Обугленная рисовая бумага, текст частично восстановлен по оттилкам пепла.

«Библиотеки горели первыми. Не случайно. Свет привлекает огонь. Мы пытались спрятать свитки в башнях. Высоко. Ближе к солнцу. Но солнце не защищало. Оно освещало мишени. Враг видел огонь ламп. И шёл на свет. Как мотыльки. Только мотыльки умирают от огня. А мы умирали от стали. Жрецы говорили: "Знания — это свет". Но свет делает тебя видимым. В темноте войны видимость — смерть. Мы тушили лампы. Прятали книги в землю. Но земля была сырой. Бумага гнила быстрее, чем сгорала. Знание умерло дважды. От огня и от влаги.»

Источник: «Песнь Мёртвых Бардов» (Сусаноо — Великая Страна)

Записано на пергаменте из кожи, найдено в барабане,

текст выцарапан ногтями.

«У нас не было книг. У нас были песни. История жила в голосах. Мы думали: голос не сожжёшь. Но можно перерезать горло. Бардов убивали первыми. Не воинов. Бардов. Потому что воин умирает один. А бард уносит с собой тысячу жизней. Память целого рода. Мы пытались записать песни. На коже. На кости. Но письменность убивала ритм. Песня становилась текстом. Текст становился молчанием. Когда последний бард упал, тишина стала громче боя. Мы забыли имена героев. Остались только подвиги. Без имени подвиг — просто убийство.»

Источник: «Чертежи Пустых Машин» (Чхонгунг — Великая Страна)

Металлические пластины с гравировкой, найдены в расплавленном цеху.

«Мы знали, как строить. Мосты. Машины. Оружие. Чертежи хранились в сейфах. Но сейфы плавилась. Инженеры пытались спасти схемы. Бегали с трубками в руках. Их сбивали стрелами. Трубки падали. Чертежи разлетались. Ветер подхватывал их. Использовал как растопку. Костры грели солдат. На чертежах мостов. Ирония? Мы согревались будущим, которое уничтожали. Металл помнил форму. Но люди забыли назначение. Мы находим детали. Не знаем, куда их ставить. Машины стали идолами. Мы молимся железу. Но оно не отвечает.»

Источник: «Свиток Увядших Иероглифов» (Сяньню —

Великая Страна)

Шёлк, истлевший почти полностью, сохранились только отдельные символы.

«Искусство было языком. Каждый иероглиф — образ. Мы писали картины. Но картины не едят. Когда пришёл голод, свитки пошли на обмен. Один свиток мастера — за мешок риса. Крестьяне не читали. Они сжигали шёлк. Чтобы согреться. Или варили клей из бумаги. Мы пытались объяснить: "Это вечность". Они отвечали: "Это тепло". Вечность не греет. Тепло спасает сегодня. Завтра не наступило. Поэтому вечность сгорела. Мы продали бессмертие за ужин. И подавились.»

Источник: «Дневник Учителя» (Ханацуки — Средняя Страна)

Деревянные дощечки, связанные шнуром, шнур сгнил, дощечки рассыпались.

«Я учил детей. Чтению. Письму. Счёту. Пришли солдаты. Сказали: "Грамотные опасны. Они задают вопросы". Меня не убили. Убили детей. На моих глазах. Чтобы я видел. Чтобы я понял: знание — преступление. Я продолжил учить. В тайне. В пещерах. Но дети боялись. Они забывали буквы. Страх стирает память быстрее губки. Я писал на песке. Ветер смахивал. Я писал на воде. Она впитывала. Я понял: учить в время войны — значит готовить жертв. Они будут читать приказы своим палачам. И понимать их. Это хуже неведения.»

Источник: «Записка Последнего Библиотекаря» (Касумигахара — Средняя Страна)

Клочок бумаги, найденный в дупле дерева, текст написан углём.

«Я спрятал книги. В дуплах. В норах. В могилах. Я думал, война кончится. Они вернутся. За знаниями. Но война не кончилась. Деревья срубили. Норы затопили. Могилы разрыли. Книги нашли. Использовали как дрова. Я смотрел из кустов. Как горят мои книги. Я не плакал. Я считал. Каждая страница — минута горения. Одна книга — час тепла. Я отдал им сто лет тепла. Они согрелись. И ушли. Оставили меня в холоде. Я тёплый. Внутри. От огня. Но снаружи — лёд. Знание согревает того, кто сжигает. Но не того, кто хранит.»

Источник: «Табличка Слепого Мудреца» (Аокадзе — Малая Страна)

Кость, текст вырезан острым камнем.

«Я ослеп. До войны. Поэтому я выжил. Зрячие искали книги. Их убивали у полок. Слепые искали еду. Их не трогали. Мёртвым книги не нужны. Я слышал, как горят слова. Они трещат. Как сухие ветки. Я чувствовал запах. Чернила пахнут иначе, чем бумага. Сладко. Как гниль. Я собирал пепел. В мешок. Думал: это прах знаний. Но пепел одинаков. Прах книги не отличается от праха одежды. Я носил мешок с собой. Тяжёлый. Люди спрашивали: "Что там?". Я отвечал: "История". Они смеялись. История не весит ничего. Это я был тяжёлым. От горя.»

Источник: «Отчёт Разведчика» (Куроганэ — Средняя Страна)

Железная пластина, текст выбит молотком.

«Мы захватывали города. Искали оружие. Находили библиотеки. Командир приказал: "Жечь". Я спросил: "Зачем?". Он ответил: "Чтобы не было карт". Карты местности? Нет. Картов души. Если человек знает, кто он — он не станет рабом. Мы жгли не дома. Мы жгли идентичность. После пожара жители выходили. Смотрели на пепел. И забывали имена. Свои. Детей. Предков. Они становились пустыми. Удобными. Мы не убивали их. Мы стирали. Чистый лист проще заполнить своими законами. Знание — это сопротивление. А сопротивление нужно выжигать.»

Источник: «Письмо Учёного» (Непризнанные Земли)

Пергамент, испачканный грязью и кровью.

«Я писал истину. Не для славы. Для памяти. Но истина неудобна. Она показывает ошибки. Лидеры не любят ошибки. Они любят мифы. Миф вдохновляет. Истина сомневается. Поэтому меня затравили. Не враги. Свои. Сказали: "Ты подрываешь дух". Дух важнее факта. Я сжёг свои записи. Сам. Чтобы не сожгли они. Пепел развеял. Ветер унёс правду. Теперь осталась только ложь. Официальная. Красивая. Выдуманная. Дети будут учить её. И верить. Я не могу их винить. Ложь теплее. Истина холодна. Как этот ветер.»

Хокку :

«Пепел книг в огне,

Знания горят — не умрут,

Пепел шепчет правду.»

Часть 8: «Голод и болезни»

Источник: «Журнал Полевого Лекаря» (Рикугами — Великая Страна)

Кожаный переплёт, страницы слиплись от крови и влаги, текст местами стёрт.

«Раньше раны заживали. Теперь они цвели. Чёрные veins проступали под кожей, как корни деревьев. Мы называли это «Каменной лихорадкой». Кожа твердела, становилась серой. Человек умирал, но тело оставалось стоять. Как статуя. Мы пытались лечить магией. Но магия требовала платы. Кто платил? Больной. У него не было сил. Мы платили за него. Своим здоровьем. Лекари умирали быстрее пациентов. Мы высасывали болезнь через руки. Она оставалась под ногтями. Мы мыли руки. Но чёрное не отмывалось. Оно въедалось в душу. К концу месяца половина госпиталя окаменела. Они стоят в коридоре до сих пор. Мы обходим их. Боимся задеть. Вдруг они ещё слышат?»

Источник: «Дневник Голодающего» (Аматэрасу — Великая Страна)

Рисовая бумага, исписана углём, почерк неровный, дрожащий.

«Ели траву. Потом кожу. Потом друг друга. Не от злобы. От пустоты в животе. Желудок сжимался. Кричал. Мы давали ему мясо. Любое. Вчера я видел, как мать варила суп.

Мясо было белым. Нежным. Она не ела. Кормила детей. Я спросил: «Откуда?». Она молчала. Сегодня я видел её руки. Они были обмотаны бинтами. Из-под бинтов сочилась кровь. Она обрезала себе пальцы. Чтобы кормить детей. Дети ели. Выжили. Она умерла. Не от потери крови. От голода. Она отдала всё. Даже себя. Мы не осуждали. Мы завидовали. У нас не было детей. Нам нечего было отдавать. Мы просто ждали.»

Источник: «Отчёт Карантинной Зоны» (Сусаноо — Великая Страна)

Металлическая пластина, текст выгравирован ножом, края ржавые.

«Болезнь не передавалась воздухом. Она передавалась взглядом. Мы изолировали больных. В бункерах. Без окон. Но они смотрели через щели. И мы заражались. Глаза краснели. Зрачки лопались. Мы слепли. Но продолжали видеть. Видели то, чего нет. Тени. Голоса. Мёртвых родственников. Они звали нас. «Иди к нам», — шептали они. «Там нет боли». Мы шли. Самоубийства участились. Не от отчаяния. От желания увидеть их. Болезнь была не вирусом. Это был портал. В мир мёртвых. И они тянули нас туда. Мы зашивали глаза. Но видели сквозь веки. Смерть смотрела на нас. И улыбалась.»

Источник: «Записки Алхимика» (Чхонгунг — Великая Страна)

Свиток из шёлка, частично сожжён, пахнет серой и тра-

вами.

«Мы варили зелья. Из всего. Из корней. Из костей. Из слёз. Но зелья не работали. Они превращались в яд. Вода была отравлена. Земля была отравлена. Даже воздух был отравлен. Мы пытались дистиллировать чистоту. Получали только концентрат смерти. Одна капля убивала мгновенно. Мы думали: это оружие. Использовали против врага. Но враг уже был мёртв. От голода. Мы отравили самих себя. Алхимики первыми начали пухнуть. Их тела раздувались. Как мешки с водой. Потом лопались. Внутри была не кровь. Чёрная слизь. Мы поняли: природа мстит. За то, что мы пытались её обмануть. Химия не спасает. Когда мир болен.»

Источник: «Исповедь Монахини» (Сяньню — Великая Страна)

Ткань, вышитая нитями, текст вплетён в узор, местами нити вырваны.

«Мы молились об исцелении. Но бог не отвечал. Потому что исцеление требовало жертвы. Кто-то должен умереть, чтобы другой жил. Мы кидали жребий. Кто умрёт сегодня? Чтобы остальные ели. Я вытянула короткий прутик. Я должна была умереть. Но я не умерла. Девочка заменила меня. Она была больна. Она сказала: «Мне всё равно». Она легла на алтарь. Мы зарезали её. Не для бога. Для еды. Мы ели её мясо. Оно было сладким. Как фрукт. Мы выжили. Но я не могу молиться. Я вижу её глаза. В каждом куске хлеба. Она не умерла. Она стала частью нас. Мы каннибалы. Не по нуж-

де. По выбору.»

Источник: «Рапорт Командира Отряда» (Ханацуки — Средняя Страна)

Дерево, текст выжжен огнём, обугленные края.

«Солдаты не воевали. Они падали. Прямо в строю. Без ран. Без крови. Просто переставали дышать. Мы вскрывали тела. Внутри всё было цело. Но сердце остановилось. Как часы, у которых села пружина. Энергия исчезла. Магия ушла. Они были пустыми оболочками. Мы называли это «Синдромом Пустоты». Мир высасывал жизнь. Просто так. Без причины. Мы пытались подпитывать их кристаллами. Кристаллы гасли. Как лампочки. Мы поняли: мир голоден. Он ест нас. Не ради энергии. Ради забавы. Мы не солдаты. Мы — корм. Для чего-то большего. Что-то ждёт. Пока мы все не скончаемся.»

Источник: «Письмо Ребёнка» (Касумигахара — Средняя Страна)

Клочок бумаги, найден в кармане куртки, текст написан карандашом, буквы крупные.

«Мама кашляет. Кровью. Чёрной кровью. Я боюсь. Врач сказал: это заразно. Меня отправили в другую комнату. Через стену. Я слышу, как она кашляет. Всю ночь. Я стучу по стене. Она не отвечает. Утром пришли люди. В масках. Забрали её. На тележке. Я спросил: «Куда?». Они молчали. Я видел её ногу. Она была серая. Как камень. Я больше не вижу маму. Мне дают еду. Вкусную. Мясо. Я не ем. Я знаю: это

она. Они говорят: «Ешь, чтобы расти». Я не хочу расти. Я хочу умереть. Чтобы быть с ней. Но они не дают. Говорят: «Ты нужен». Кому? Я не знаю. Я просто ем. И кашляю. Чёрной кровью.»

Источник: «Протокол Совета Целителей» (Куроганэ — Средняя Страна)

Свинцовая табличка, текст выдавлен прессом, тяжёлая на ощупь.

«Ресурсов нет. Людей нет. Времени нет. Мы приняли решение. Приоритет №1: Маги. Приоритет №2: Воины. Приоритет №3: Дети. Приоритет №4: Остальные. Остальные — это старики. Больные. Слабые. Мы прекратили их лечение. Экономим лекарства. Для тех, кто может воевать. Это логично. Но это неправильно. Мы слышим их крики в коридорах. Мы закрываем двери. Глушим звуки. Мы стали мясниками. В белых халатах. Мы спасаем избранных. Но кто спасёт нас от совести? Когда война кончится, мы останемся. С нашими руками. В крови. И никто не спросит: «Зачем?». Они скажут: «Вы выжили». Этого достаточно?»

Источник: «Запись Странника» (Акадзора — Малая Страна)

Пергамент, испачкан грязью, текст прерывистый.

«Я шёл через деревню. Тишина. Ни собак. Ни птиц. Только люди. Они сидели у домов. Смотрели в одну точку. Я подошёл к одному. Спросил: «Где еда?». Он повернул голову. Глаза белые. Без зрачков. Он сказал: «Еда внутри». Я не по-

нял. Он открыл рот. Внутри было мясо. Сырое. Он откусил кусок. Своей щеки. И жевал. Я убежал. Они не преследовали. Они не могли. Они ели себя. Чтобы не умереть от голода. Автоканнибализм. Я видел такое впервые. И в последний раз. Они не чувствовали боли. Голод заглушал всё. Они исчезали на глазах. Оставались только кости. И кучи мяса во круг. Это не война. Это самоубийство вида.»

Источник: «Последний Отчёт» (Непризнанные Земли)

Кость, текст выцарапан острым камнем, глубокие борозды.

«Болезнь изменилась. Она стала умной. Она не убивает сразу. Она заставляет страдать. Долго. Чтобы другие видели. И боялись. Мы видели человека, который гнил заживо. Месяц. Он не умирал. Магия поддерживала его жизнь. Чтобы боль длилась дольше. Кто это делал? Враг? Нет. Свои. Чтобы показать: «Вот что будет, если вы сдадитесь». Страх — лучшее оружие. Но оно бьёт по своим. Мы боялись заболеть. Больше, чем умереть. Потому что смерть — это конец. А болезнь — это вечность. В аду. На земле. Мы молили о пуле. Нам не давали. Пули дорогие. Мы дешевле.»

Хокку :

«Кору жуют губы,
Болезнь как тень за спиной,
Слабые — пепел.»

Часть 9: «Последняя надежда»

Источник: «Указ Верховного Совета» (Рикугами — Вели-

кая Страна)

Каменная плита, текст выбит глубоко, некоторые иероглифы стёрты молотком.

«Надежда — это дисциплина. Не чувство. Не мечта. Дисциплина. Мы запрещаем стихийные молитвы. Мы запрещаем самовольные поиски спасителя. Надежда должна быть централизована. Только Совет знает, на что надеяться. Если ты надеешься на чудо — ты дезертир. Если ты надеешься на меч — ты солдат. Если ты надеешься на жизнь — ты труп. Мы выживем не потому что верим. А потому что не позволим себе умереть. Надежда — это приказ. И он должен быть выполнен. Любой ценой. Даже если цена — душа.»

Источник: «Свиток Угасающего Факела» (Аматэрасу — Великая Страна)

Рисовая бумага, обожжённая по краям, текст написан светящимися чернилами, которые теперь потускнели.

«Мы зажгли слишком много огней. Думали: свет приведёт спасителя. Но свет привлёк мотыльков. И врагов. Теперь мы сидим в темноте. И боимся чиркнуть кресалом. Надежда — это факел. Пока он горит — ты видишь пропасть. Когда гаснет — ты падаешь в темноту. Но в темноте не видно высоты. Может, пропасти и нет? Может, мы просто стоим на земле? Мы потушили огни. Не от отчаяния. От осторожности. Надежда ослепляет. А нам нужно видеть, куда ставить ноги. Чтобы не упасть. Чтобы не сгореть.»

Источник: «Запись Военачальника» (Сусаноо — Великая

Страна)

Кожа, текст написан кровью, высохшей до черноты.

«Надежда делает солдат мягкими. Мягкие солдаты мертвы. Я запретил это слово в лагере. Кто говорит о надежде — получает десять плетей. Не за бунт. За слабость. Мы воюем не за будущее. Мы воюем за сегодня. За кусок мяса. За глоток воды. За право дышать эту ночь. Будущее — это роскошь. Для мёртвых. Живым нужно только настоящее. Если ты надеешься на завтра — ты уже предал сегодня. Потому что ты экономишь силы. А экономить силы на войне — значит проиграть. Надежда — это предательство реальности.»

Источник: «Хроника Последнего Семени» (Чхонгунг — Великая Страна)

Металлическая пластина, текст выгравирован иглой, очень мелко.

«Мы спрятали зерно. Не для еды. Для посадки. В городе голод. Дети едят кору. Но мы не трогаем зерно. Оно в сейфе. Под охраной. Солдаты смотрят на него как на золото. Но это не золото. Это время. Если мы съедим его — мы проживём день. Если посадим — мы проживём век. Но кто доживёт до урожая? Мы не знаем. Мы охраняем смерть ради жизни. Надежда — это когда ты голодаешь рядом с едой. Чтобы другие не голодали потом. Это не подвиг. Это безумие. Но безумие — единственное, что отличает нас от зверей.»

Источник: «Песня Ткачих» (Сяньню — Великая Страна)

Шёлк, текст выткан нитями, некоторые нити оборваны,

узор неполный.

«Мы ткём ковры. На них нет узоров войны. Только небо. Голубое. Без пепла. Без крови. Люди смотрят и плачут. Они говорят: "Это ложь. Небо чёрное". Мы отвечаем: "Нет. Это память". Надежда — это память о том, каким мир был. До того, как мы его сломали. Мы не обещаем, что он станет таким снова. Мы просто напоминаем: он мог быть другим. И этого достаточно. Чтобы не сойти с ума. Чтобы не перестать ткать. Даже если руки дрожат. Даже если нити рвутся. Мы ткём надежду. Из ничего. И это единственное, что греет.»

Источник: «Дневник Матери» (Ханацуки — Средняя Страна)

Деревянные дощечки, связанные шнуром, шнур сгнил, текст выцарапан ножом.

«У меня остался один кусок хлеба. И двое детей. Один здоров. Другой болен. Я отдала хлеб здоровому. Больной умрёт. Здоровый выживет. Это надежда? Или убийство? Я смотрю на спящего больного. Он не дышит. Я закрыла ему глаза. Здоровый ест. Он не знает. Я не скажу. Надежда требует жертвы. Не абстрактной. Конкретной. Крови. Плоти. Я выбрала будущее. Но прошлое смотрит на меня с того света. И спрашивает: "Стоило ли?". Я не отвечаю. Потому что ответа нет. Есть только выживший. И его жизнь — это моя надежда. И моё проклятие.»

Источник: «Записка Стражника Ворот» (Касумигахара — Средняя Страна)

Ключок бумаги, найден в кармане формы, текст написан углём.

«Я стою у ворот. Впускаю не всех. Только тех, у кого есть сила. Или ресурсы. Слабых оставляю снаружи. Там туман. Они умрут. Я знаю. Но если я впущу всех — мы умрём внутри. Надежда — это закрытая дверь. За ней безопасность. Перед ней — смерть. Я слышу стук. Они молят. Я не открываю. Я охраняю надежду тех, кто внутри. От тех, кто снаружи. Это справедливо? Нет. Это необходимо. Надежда не может быть для всех. Она слишком дорога. Её хватает только на избранных. Остальные — топливо. Для этого огня.»

Источник: «Письмо Учёного» (Куроганэ — Средняя Страна)

Пергамент, испачкан маслом и сажей, текст прерывистый.

«Мы строим машину. Она должна очистить воздух. От яда. От пепла. Но на неё нет ресурсов. Мы разбираем дома. Чтобы построить фильтры. Люди живут на улице. Но дышат чисто. Это абсурд? Может. Но если мы не дышим — зачем нам дома? Надежда — это технология. Не магия. Не молитва. Механизм. Шестерёнки. Рычаги. Мы верим в металл. Потому что металл не лжёт. Он либо держит нагрузку, либо ломается. Люди ломаются. Металл — нет. Наша надежда — в стали. И если она не выдержит — мы заслужили смерть. За то, что доверились металлу больше, чем друг другу.»

Источник: «Свидетельство Беженца» (Акадзора — Малая Страна)

Обугленная ткань, края крошатся, текст почти не читается.

«Мы шли на запад. Говорили: там есть земля. Где нет войны. Где растёт хлеб. Мы шли месяц. Дошли. Там была война. И пепел. Но мы не вернулись. Мы остались. Потому что дорога назад длиннее. Надежда — это точка на карте. Которой нет. Но ты идёшь. Потому что если остановишься — умрёшь. Мы строим дома на пепелище. Называем его "Новый Город". Хотя это старые руины. Мы лжём себе. Но эта ложь держит нас на ногах. Надежда — это география отчаяния. Мы перерисовываем карту. Чтобы не видеть правды.»

Источник: «Последний Стих Поэта» (Аокадзе — Малая Страна)

Стена пещеры, текст выцарапан камнем, буквы неровные.

«Я писал о рассвете. Хотя не видел его годами. Небо закрыто тучами. Но я описывал цвет. Золотой. Розовый. Люди приходили слушать. Они закрывали глаза. И видели. Хотя видели только темноту. Слово стало светом. Надежда — это метафора. Которая становится реальностью. Если верить достаточно сильно. Я умираю. Мои глаза не увидят рассвета. Но те, кто слушал — увидят. Потому что я нарисовал его в их головах. Надежда — это искусство. Выживать вопреки. И умирать с улыбкой. Потому что ты знаешь: кто-то увидит солнце. Благодаря тебе.»

Источник: «Протокол Совета Старейшин» (Непризнанные Земли)

Кость, текст выцарапан острым камнем, глубокие борозды.

«Мы решили не надеяться. Надежда приносит боль. Когда она не сбывается. Мы приняли реальность. Мы умрём. Мир умрёт. Это факт. И когда мы приняли это — стало легче. Страх ушёл. Потому что бояться нечего. Конец неизбежен. Надежда — это сопротивление неизбежному. А сопротивление истощает. Мы легли на землю. И ждём. Не смерти. А покоя. Это не суицид. Это мудрость. Единственная надежда, которая не лжёт — это надежда на тишину. После шума. После боли. После всего.»

Источник: «Запись Странника» (Без страны)

Кусок пергамента, найден в кармане трупа, имя стёрто.

«Я видел тех, кто надеялся. И тех, кто нет. Первые умерли с криком. Вторые — с молчанием. Но я видел одного. Кто надеялся на себя. Не на богов. Не на чудо. На свои руки. Он строил мост. Через пропасть. Все говорили: "Он не достроит". Он строил. Каждый день. По камню. Он умер. До того, как закончил. Но мост стоял. Половина. Люди прошли по нему. Они выжили. Надежда — это не результат. Это процесс. Не важно, дожил ли он до конца. Важно, что он строил. Пока другие молились. Надежда — это работа. Грязная. Тяжёлая. Без гарантий.»

Источник: «Предсмертная Молитва» (Любая страна)

Смятая бумага, следы слёз, кровь на углу.

«Я не прошу спасения. Я прошу сил. Дотянуть. До утра.

До следующего вдоха. Надежда — это не вечность. Это минута. Ещё одна минута. И ещё. Если набрать минут — получится жизнь. Я не верю в завтра. Я верю в сейчас. В этот удар сердца. В этот вдох. Если я остановлюсь — всё кончится. Если продолжу — есть шанс. Маленький. Почти нулевой. Но не ноль. Надежда — это разница между нулём и единицей. Я цепляюсь за эту единицу. Зубами. Ногтями. Пока есть силы. Потому что это всё, что у меня есть.»

Источник: «Фрагмент Зеркала» (Неизвестное происхождение)

Осколок стекла, на обратной стороне царапины.

«Зеркало показало будущее. Там был мир. Без войны. Без голода. Дети смеялись. Я разбил зеркало. Чтобы не искушать судьбу. Но осколки всё равно светились. Надежда — это осколок. Он режет руки. Но он светит. Ты можешь выбросить его. И быть в темноте. Но безопасно. Или можешь держать. И истекать кровью. Но видеть путь. Я выбрал кровь. Потому что темнота страшнее боли. Надежда ранит. Но она живая. Всё остальное — мёртвое. Я предпочитаю живую боль. Мёртвому покою.»

Источник: «Устный Сказ Старейшины Иори» (Деревня Кадзэно Хакуба — Рикугами)

Записано со слов умирающего старика, чернила свежие, рука дрожит.

«Я жил долго. Видел много надежд. Одни сбывались. Другие нет. Но те, что не сбылись — были нужнее. Потому что

они заставляли идти. Сбывшаяся надежда — это конец. Ты получил. И остановился. Несбывшаяся — это двигатель. Ты не получил. И идёшь дальше. Мир держится на тех, кто не получил. Кто идёт. Надежда — это горизонт. Он удаляется. Когда ты приближаешься. Но пока он есть — ты идёшь. Если горизонт исчезнет — ты остановишься. И умрёшь. Поэтому мы придумываем горизонты. Даже если их нет. Чтобы не останавливаться.»

Хокку :

«Глаза без страха,
Усталость в сердце — не боль,
Искра в темноте.»

Часть 10: «Предвестие»

Источник: «Журнал Небесного Стража» (Рикугами — Великая Страна)

Кожаный переплёт, страницы пожелтели, текст написан тушью, местами смазан.

«Звёзды сместились. Не все. Только одна. Та, что висела над северным горизонтом, сдвинулась на палец влево. Мы проверяли приборы. Ошибки нет. Небо течёт. Как вода. Стражники вышли на стены. Смотрели вверх. Никто не говорил. Что скажешь, когда закон физики ломается на глазах? Птицы перестали кричать. Не от страха. Будто кто-то выключил звук. Мир затаил дыхание. Мы ждали удара. Молнии. Грома. Но пришла тишина. Такая плотная, что давила на уши. Как вата. Кто-то шепнул: "Она пришла". Мы не

спросили: "Кто?". Мы знали. Даже если не хотели знать.»

Источник: «Свиток Тихого Ветра» (Аматэрасу — Великая Страна)

Рисовая бумага, текст написан кистью, чернила бледные.

«Ветер изменил направление. Тысячу лет он дул с востока. Сегодня — с запада. Но не просто дул. Он нёс запах. Не дождя. Не земли. Чего-то чужого. Сладкого. Как нектар. Как яд. Жрецы вышли из храмов. Смотрели на флаги. Ткань обвисла. Будто воздух исчез. Мы молились солнцу. Оно село раньше времени. Не за горизонт. В никуда. Просто погасло. Как свеча. Осталась только луна. Но она была не серебряной. Фиолетовой. Как синяк. Мы поняли: небо заболело. Или мир.»

Источник: «Запись Горного Дозора» (Сусаноо — Великая Страна)

Каменная плита, текст вырезан ножом, глубоко.

«Горы задрожали. Не землетрясение. Вибрация. Как от шагов великана. Но шагов не было. Сейсмографы сошли с ума. Стрелки бились о край. Мы думали: извержение. Но вулканы спали. Дым не шёл. Только гул. Низкий. В костях. Зубы ныли. Дети плакали без звука. Старейшины сказали: "Земля чувствует гостя". Мы приготовили оружие. Копья. Луки. Но против чего стрелять? Против неба? Против ветра? Мы стояли на утёсах. Ждали. Гул прекратился. Осталось только ощущение: кто-то огромный сделал вдох. И этот вдох — весь наш воздух.»

Источник: «Хроника Стальных Ворот» (Чхонгунг — Великая Страна)

Металлическая пластина, текст выгравирован, ржавчина по краям.

«Ворота закрылись. Не по приказу. Сами. Механизмы заржавели за секунду. Железо стало мягким. Как глина. Кузнецы пытались починить. Молот проходил сквозь наковальню. Материя теряла форму. Мы испугались не врага. Распада. Если железо не держит удар, что держит мир? На площади упала статуя генерала. Не от ветра. Просто рассыпалась. В пыль. Люди смотрели на пыль. И понимали: прочность — иллюзия. Всё может исчезнуть. В любой момент. Без предупреждения.»

Источник: «Дневник Хранителя Садов» (Сяньню — Великая Страна)

Шёлк, текст вышит нитями, некоторые нити выцвели.

«Цветы закрылись. Все. Сразу. Розы. Лилии. Пионы. Бутоны сжались. Как кулаки. Мы пытались раскрыть их. Лепестки ломались. Они были хрупкими. Как стекло. Сад замер. Не увял. Замер. Время остановилось для растений. Мы стояли среди них. Чувствовали себя лишними. Живыми в мире мертвецов. Потом один бутон раскрылся. Не цветок. Свет. Изнутри. Белый. Холодный. Он не грел. Он освещал. Тени стали чёрными. Как чернила. Мы поняли: это не расцвет. Это взгляд.»

Источник: «Записки Речного Ловца» (Ханацуки — Сред-

няя Страна)

Деревянные дощечки, связанные шнуром, шнур истлел.

«Река остановилась. Течение встало. Вода стояла как зеркало. Рыбы не плавали. Они висели в толще. Не дышали. Не тонули. Мы зачерпнули воду. Она была тяжёлой. Как ртуть. Но прозрачной. Мы пили. Вкус был странный. Как металл. Как слёзы. Мы плюнули. Вода не упала. Она повисла в воздухе. Каплями. Застыла. Мы махали руками. Капли не двигались. Время в реке умерло. Мы стояли на берегу. И чувствовали: кто-то идёт по воде. Но следов не было.»

Источник: «Отчёт Туманного Следопыта» (Касумигахара — Средняя Страна)

Бумага, сырая, буквы расплылись.

«Туман разошёлся. Сам. Без ветра. Без солнца. Просто исчез. И мы увидели то, чего не должно быть. В небе. Полоса. Вертикальная. Как разрез. Через неё было видно другое небо. Более тёмное. Звёздное. Хотя был день. Мы терли глаза. Думали: галлюцинация. От газа. От голода. Но разрез не исчезал. Из него падал свет. Не луч. Просто сияние. Оно не касалось земли. Висело над лесом. Мы пошли туда. Не потому что хотели. Потому что ноги сами несли. Как магнит.»

Источник: «Скрижаль Кузнечного Цеха» (Куруганэ — Средняя Страна)

Железный лист, текст выбит молотом.

«Огонь в печах изменил цвет. С оранжевого на синий. Потом на белый. Потом на прозрачный. Жар исчез. Но ме-

талл плавился. Без огня. Мы видели: руда течёт сама. Как вода. Формы не нужны. Металл сам принимал форму. Мечи. Наконечники. Но не те, что мы ковали. Другие. Изогнутые. Странные. Мы не брали их. Они лежали на столах. И пульсировали. Как сердца. Мы поняли: мир начинает ковать себя сам. Без нас. Мы стали лишними в собственном доме.»

Источник: «Письмо Пограничника» (Акадзора — Малая Страна)

Обугленная ткань, края крошатся.

«Граница исчезла. Столбы повалились. Не от ветра. Просто упали. Земля под ними стала мягкой. Как пепел. Мы ходили туда-сюда. Между странами. Никто не останавливал. Стражники ушли. Или растворились. Мы кричали: "Есть кто?". Тишина. Только эхо. Оно возвращалось изменённым. Голос был не наш. Чужой. Мы поняли: стены не нужны. Потому что угроза не снаружи. Она уже внутри. В воздухе. В голове. Мы сидели на земле. И ждали. Когда граница появится снова. Или когда мир станет одним.»

Источник: «Наблюдение Кочевника» (Аокадзе — Малая Страна)

Кость, текст выцарапан.

«Ветер принёс семя. Не растение. Камень. Маленький. Гладкий. Тёплый. Я поднял его. Он не жёг руку. Он грел. Как живой. Я положил его в карман. Ночью он светился. Через ткань. Я вынул его. Он пульсировал. В такт моему сердцу. Я испугался. Выбросил. Но камень вернулся. Лежал рядом.

Как собака. Я понял: это не камень. Это послание. От того, кто идёт. Я не знал, что делать. Оставить? Убить? Я накрыл его землёй. Но свет пробивался сквозь почву. Он хотел, чтобы его видели.»

Источник: «Запись Последнего Монаха» (Непризнанные Земли)

Стена пещеры, текст выжжен углём.

«Мы молились. В последний раз. Не о спасении. О конце. Чтобы было быстро. Чтобы не больно. И вдруг — свет. Не снаружи. Внутри. В груди. У всех сразу. Мы посмотрели друг на друга. В глазах горело. Не огонь. Звезда. Маленькая. В зрачке. Мы не чувствовали боли. Только покой. Как перед сном. Я понял: это не смерть. Это приглашение. Кто-то постучался в душу. И мы открыли. Не спросив: "Кто?". Потому что одиночество хуже любого гостя.»

Источник: «Свиток Бамбуковой Роши» (Земли у Леса)

Листья бамбука, текст вырезан ногтем.

«Бамбук зацвёл. Не по сезону. Стволы покрылись цветами. Белыми. Мелкими. Как снег. Но запах был не цветочный. Как озон. Перед грозой. Листья шептались. Без ветра. Мы приложили ухо к стволу. Внутри стучало. Тук-тук. Тук-тук. Как сердце. Огромное. Под землёй. Мы поняли: лес живёт. И он ждёт. Того, кто посадит первое семя. Не растение. Историю. Мы отошли в сторону. Чтобы не мешать. Чтобы не сломать росток. Когда он появится.»

Хокку :

«Тишина в ночи,
Лепесток сакуры падает,
Что-то идёт — жди.»

Глава 2: «Бамбуковый лес и небесная гостья»

Часть 1: «Появление Веды»

Источник: «Свиток Небесного Цветения» (Рикугами —
Великая Страна)

Хранится в глубинном архиве, шёлк пожелтел, чернила
выцвели, края обуглены, пахнет ладаном и старой бумагой.

«Она спустилась с небес в бамбуковом лесу. Не как метеорит. Не как молния. Как лепесток сакуры, упавший с небес. Мы стояли на полях. Смотрели вверх. Небо раскрылось. Не с громом. С тишиной. Абсолютной тишиной. Птицы замолкли. Ветер остановился. Даже реки перестали течь. И в этой тишине — она появилась. Высокая. Светящаяся. Её тело сияло мягким перламутровым светом, словно луна на рассвете. Кожа напоминала полированное серебро. Волосы излучали свет, подобно полярному сиянию. Мы упали на колени. Не от страха. От благоговения. Она не сказала ни слова. Просто стояла. И смотрела. Её глаза имели три вертикальные зрачка — комбинация кошачьих и змеиных. Они видели не нас. Они видели сквозь нас. Вглубь. До костей. До души. До боли. Она подняла руку. И бамбук склонил головы. Не от ветра. От уважения. Мы поняли: это не богиня. Это что-то древнее. Что-то, что было до богов. Что-то, что будет после. Мы называли её Веда. Потому что не знали имени. Потому что имя

— это ограничение. А она была безгранична.»

Версия Амата́расу:

«Она пришла не с небес. Из тени между мирами. Мы видели разрыв. В воздухе. Как трещина в стекле. Через неё было видно другое небо. Более тёмное. Звёздное. Хотя был день. И из этой трещины — она вышла. Не упала. Вышла. Как будто шла по невидимой лестнице. Её крылья состояли из светящихся частиц, подобных звёздной пыли. Они собирались в форму только когда она летела. В покое — превращались в мягкий светящийся ореол за спиной. Мы спрятались в храмах. Думали: это конец. Та, кого боялись даже боги. Но она не разрушала. Она касалась. Деревьев. Камней. Людей. И там, где она касалась — расцветало. Мёртвые ветви покрывались листьями. Сухие реки наполнялись водой. Слепые прозревали. Не физически. Душой. Они видели то, чего не видели раньше. Свою боль. Свою надежду. Свою цель. Она не говорила. Она пела. Голос был ласковый. Как шёпот весеннего ветра среди листьев сакуры. Мы плакали. Не от горя. От понимания. Она пришла не судить. Пришла учить.»

Версия Сусаноо:

«Она не спускалась. Она выросла из земли. Как бамбук после дождя. Мы копали траншеи. Для обороны. И наткнулись на свет. Под землёй. На глубине трёх метров. Он пульсировал. Как сердце. Мы разрыли. И увидели её. Лежащую. В позе лотоса. Глаза закрыты. Дыхания нет. Но она была жи-

ва. Мы коснулись. Земля вокруг неё была тёплой. Как тело. Она открыла глаза. И мы ослепли. Не навсегда. На мгновение. Когда зрение вернулось — она стояла. На её теле видны древние руны. Похожи на китайские иероглифы. Они пульсировали при использовании силы. Мы спросили: "Кто ты?". Она ответила: "Та, что была до вас. Та, что будет после. Та, что между." Мы не поняли. Но почувствовали. Она не из нашего мира. Она из всех миров. Одновременно. Её рождение произошло в Запретном Измерении. Месте, где переплетаются потоки энергии всех миров. По легендам, она появилась из слияния света Ааматэрасу, дыхания Сусаноо и первичной энергии Чхонгунга. Мы не верили. Пока не увидели. Теперь верим. И боимся.»

Версия Чхонгунг:

«Мы наблюдали за звёздами. В ту ночь они выстроились в линию. Небывалое явление. Астрономы зафиксировали: все планеты остановились. На одной оси. И из этой оси — луч. Белый. Тонкий. Как игла. Он ударил в бамбуковый лес. Мы поехали. Через три дня были на месте. Лес изменился. Бамбук стал выше. Золотым. Светился изнутри. И в центре — она. Стояла. Вокруг неё — круг. Радиусом сто метров. Внутри круга — трава. Зелёная. Как изумруд. Снаружи — пепел. Война шла вокруг. Но круг не трогала. Мы вошли. Без оружия. Она повернулась. И мы увидели: её плащ. Однотонный. Без узоров. С капюшоном, скрывающим лицо. Пояс крепился верёвкой, завязанной в сложный узел. Мы не знали: это

символ связи с Аджисай. Или просто украшение. Она протянула руку. И дала нам цветок. Лунный. Который светился в темноте. Мы взяли. И поняли: это не подарок. Это испытание. Кто примет цветок — примет ответственность. Мы приняли. И с тех пор храним. Цветок не вянет. Не умирает. Только светит. Слабее с каждым годом. Но светит.»

Версия Сяньню:

«Она была последней из Бессмертных Иксинов. Хранитель равновесия между материей и духом. Так говорили наши предки. Мы не верили. Пока не увидели. Она появилась в день зимнего солнцестояния. Когда ночь###. День###. Баланс. Она пришла не одна. С ней были тени. 22 тени. Они не говорили. Не двигались. Просто стояли. За её спиной. Как стражи. Мы спросили: "Кто они?". Она ответила: "Части меня. Которые я отдала миру." Мы не поняли. Потом поняли. Каждая тень — это знание. Которое она принесла. Искусство гармонии с природой. Мастерство целительства. Понимание баланса между стихиями. Основы магии через медитацию. Она учила. Не словами. Примером. Касалась больного — и он исцелялся. Касалась земли — и она рожала. Касалась неба — и оно очищалось. Мы называли её Хранительницей Врат. Существом, чья задача заключалась в поддержании связи между мирами и поддержании их гармонии. Мы не знали: эта гармония потребует жертв. Мы не знали: цена будет выше, чем мы можем заплатить.»

Версия Ханацуки:

«Мы были фермерами. Простыми. Не воинами. Не жрецами. Мы видели её с полей. Она шла по земле. И за ней росла трава. Не быстро. Медленно. Как время. Мы подошли. Не боялись. Она не излучала страх. Только покой. Мы спросили: "Что ты хочешь?". Она ответила: "Ничего. Я уже всё имею." Мы не поняли. Как можно ничего не хотеть? Мы хотим еды. Тепла. Любви. Она хотела другого. Баланса. Она села у нашей реки. И сидела семь дней. Не ела. Не пила. Не двигалась. На седьмой день река очистилась. От грязи. От болезней. От проклятий. Вода стала прозрачной. Как слеза. Мы пили. И исцелялись. Те, кто был болен — выздоровели. Те, кто был слеп — прозрели. Те, кто был мёртв — не воскресли. Но их души нашли покой. Она не творила чудес. Она восстанавливала порядок. Который мы нарушили. Мы предлагали ей еду. Она отказалась. Мы предлагали кров. Она отказалась. Она спала под открытым небом. И небо не дождало на неё. Звёзды светили ярче. Когда она смотрела вверх. Мы поняли: она не гость. Она хозяйка. Это мы — гости. В её мире.»

Версия Касумигахара:

«Туман разошёлся. Впервые за сто лет. Мы жили в мгле. Не видели солнца. Не видели звёзд. Только серое. И вдруг — свет. Пробил туман. Как меч. Мы вышли. И увидели её. Стоящую на холме. Вокруг неё — круг. Без тумана. Чистый воздух. Мы вошли в круг. И задышали. По-настоящему. Впервые. Лёгкие наполнились. Не воздухом. Жизнью. Она сказа-

ла: "Туман — не погода. Это болезнь. Мир болен. Я пришла лечить." Мы спросили: "Чем?" Она ответила: "Правдой." Мы не хотели правды. Правда была болезненной. Мы хотели иллюзий. Иллюзии грели. Правда холодила. Но мы приняли. Потому что задохнулись. Она осталась. На месяц. На год. На десять лет. Мы не считали. Время потеряло смысл. Когда она ушла — туман вернулся. Но не тот. Другой. Прозрачный. Через него было видно солнце. Мы поняли: она не убрала туман. Она научила нас видеть сквозь него. Это важнее.»

Версия Куроганэ:

«Мы ковали оружие. Для войны. Она пришла в кузницу. Без предупреждения. Кузнецы хотели выгнать. Но руки не поднялись. Она подошла к наковальне. Коснулась. Металл стал мягким. Как глина. Мы испугались. Это было наше богатство. Наше оружие. Наша сила. Она сказала: "Металл не для убийства. Для защиты." Мы засмеялись. Защита — это убийство врага. Она покачала головой. И показала. Взяла меч. Переплавил. Сделала плуг. Отдала фермеру. Тот вспахал поле. Посадил рис. Через месяц — урожай. Через два — изобилие. Через три — мир. Соседи не нападали. Потому что нечего было грабить. Все были сыты. Мы поняли: она права. Но было поздно. Оружие уже было в руках. Война уже началась. Она не остановила войну. Она показала путь. После войны. Мы выбрали войну. Она ушла. Не осуждала. Не наказывала. Просто ушла. Оставив плуг. Который ржавел. Как напоминание.»

Версия Акадзора:

«Мы были малой страной. Нас не было на картах. Для великих держав мы — пыль. Она пришла к нам. Не к великим. К нам. Почему? Не знаем. Может, потому что мы не воевали. Может, потому что у нас не было оружия. Может, потому что мы были ближе к земле. Она жила в нашей деревне. Год. Два. Пять. Мы не считали. Она учила детей. Не читать. Не писать. Чувствовать. Они закрывали глаза. И слышали деревья. Слышали реки. Слышали друг друга. Без слов. Мы завидовали. Взрослые не могли. Наши сердца были слишком шумными. Слишком полными. Страха. Жадности. Зависти. Она сказала: "Дети чисты. Взрослые — нет. Очиститесь." Мы не знали как. Она показала. Через медитацию. Через тишину. Через боль. Мы пробовали. Не у всех получилось. У тех, кто получилось — глаза изменились. Стали глубже. Как у неё. С тремя зрачками. Не физически. Душой. Они видели больше. Чем другие. Видели ложь. Видели боль. Видели надежду. Мы называли их Прозревшими. Они стали хранителями. Её учения. Её памяти. Её света.»

Версия Аокадзе:

«Ветер принёс её запах. Не человеческий. Не божественный. Другой. Как озон. Перед грозой. Как земля. После дождя. Как кровь. После битвы. Мы пошли на запах. Через горы. Через реки. Через леса. Нашли её у водопада. Она стояла. Под водой. И не мокла. Вода обтекала её. Как живая. Мы спросили: "Ты богиня?" Она ответила: "Нет." "Де-

мон?" "Нет." "Кто?" "Та, что выбирает." Мы не поняли. Выбор между чем? Светом и тьмой? Добром и злом? Жизнью и смертью? Она не ответила. Просто исчезла. В брызгах. Мы остались. С вопросом. И с запахом. Который не выветривался. Годы. Десятилетия. Пока не исчез. Вместе с нами. Теперь только легенды. О той, что выбирала. И о тех, кто выбрал неправильно.»

Версия Непризнанных Земель:

«Мы не вели записей. У нас не было бумаги. Не было чернил. Не было храмов. Мы передавали из уст в уста. От отца к сыну. От матери к дочери. Она пришла к нам. Не как спасительница. Как равная. Сидела у нашего костра. Ела нашу еду. Спала на нашей земле. Не требовала. Не приказывала. Просто была. Мы спросили: "Зачем ты здесь?" Она ответила: "Потому что вы забыли." "Что?" "Кто вы." Мы не знали. Думали: мы — выжившие. Беглецы. От войны. От голода. От смерти. Она сказала: "Нет. Вы — память. Память о том, каким мир был. До войны. До голода. До смерти." Мы плакали. Впервые. Не от боли. От понимания. Мы не жертвы. Мы — хранители. Хранители того, что было. И того, что может быть снова. Она ушла. Оставив нам огонь. Который не гас. Семь лет. Пока последний из нас не умер. Потом погас. Вместе с нами.»

Версия Странника:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.